

18+

ИГОРЬ ГАТИН ОДНАЖДЫ В СССР

*Интересное время. Интересная судьба.
Динамичный сюжет про первые ростки
капитализма в Москве начала 80-х...*

Сергей Лукьяненко

Городская проза

Игорь Гатин

Однажды в СССР

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гатин И.

Однажды в СССР / И. Гатин — «Издательство АСТ»,
2019 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-120559-1

Стремление любить и быть любимым – это так естественно в семнадцать лет!
Мальчишка ищет свою любовь, в процессе развенчивая миф, что в СССР не
существовало секса, бизнеса, преступности и коррупции.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120559-1

© Гатин И., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Игорь Гатин

Однажды в СССР

© Текст. Игорь Гатин, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ»

Часть первая

Начало 80-х. Москва. Август. Жара.

Мальчишке едва исполнилось семнадцать. Он бежит, обгоняя редких в жару прохожих. Он никуда не опаздывает. А бежит потому, что не может просто идти. Его переполняет счастье. Большие синие глаза распахнуты в мир. Они смеются. Они впитывают в себя эти площади и проспекты. Эти дома и пузатые троллейбусы. Теперь это его город, его троллейбусы! Он мог бы взлететь, но почему-то не задумывается об этом и продолжает бежать, не чувствуя усталости и не задыхаясь.

Если бы вы видели! Если вы помните! Как хороши, как прекрасно молоды были сталинские дома, величаво обрамлявшие широкие пустынные проспекты, звёздными лучами расходящиеся от Кремля и теряющиеся в полуденном зное горизонта. Это была и их юность тоже! Свободная от пробок, от точечной застройки, от кичливых иномарок. Милые сердцу «жигулята», гордые «Волги», трудяги «зилки» – вот кто неспешно катил по чистым ещё артериям юного города. Юного, потому что Черёмушки считались новостройкой. Потому и назывались Новыми. И в этих новостройках давали новые квартиры передовым рабочим. А как же! А кому же ещё? А чьи же окна смотрят на проспект, по которому в открытой машине прямо из космоса проехал, на весь мир блестя знаменитой белозубой, чуть смущённой улыбкой, Гагарин? Да вот и памятник ему. Это, должно быть, настоящие небожители. Из этих окон до звёзд, верно, совсем недалеко. Потянулся чуть-чуть – и уже гладишь звезду. Ну, если не Полярную, то кремлёвскую точно.

Новое пьянящее чувство причастности переполняло сердце. Продукт советской системы, мечтавший изменить мир к лучшему, он был лишён даже капли меркантильности. Деньги не интересовали мальчишку. Двадцать копеек на мороженое – вот счастье! Но если у друга нет двадцати копеек, то съедим мороженое на двоих или троих, откусывая по очереди. Какая разница – всё равно мало. Мороженого не может быть много. Это аксиома. И от этого оно такое вкусное. А ещё потому, что сливочное. Настоящее сливочное. И если ты вечно голоден, потому что растёшь, потому что спортсмен, то сливки – это то, что тебе надо. Это же так просто.

Он покориł этот город! Это невозможно! Невероятно! Но это факт! Он поступил в МГУ! Пусть не на дневное, на вечернее – какая разница! Он будет здесь жить, работать и учиться! Как – кем, где? Не имеет значения. И дело даже не в том, что он выдержал первый серьёзный экзамен в своей жизни, дело в том, что Москва, МГУ наяву оказались даже лучше, чем в мечтах. Как такое может быть? В юности может!

* * *

– Грузчики? Грузчики нужны. Школу окончил? Давай документы. Так, Роман Александрович, аттестат – золотая медаль, ничего себе. Я, сколько работаю, ещё не встречала грузчиков с золотыми медалями. Теперь паспорт. Семнадцать исполнилось месяц назад. По трудовому кодексу можем брать. Стоп! Так у тебя же прописки нет! Нет, не можем, – толстая тётка с сожалением протянула документы обратно. Это была уже пятая или шестая организация за день.

– Что же мне делать? Мне дали два дня в МГУ, чтобы я устроился на работу с лимитной пропиской. Иначе меня не примут на вечернее, – в голосе было отчаяние.

Тётка сжалась – у неё рос такой же шалопай, но он вовсе не горел желанием работать грузчиком, да и вообще работать, честно говоря, как, впрочем, и учиться. А этот надо же какой упорный. Худенький, кожа да кости, а туда же – грузчиком. Ну да, он же из этой... как её...

Пензы. Иногородние – они страсть какие настырные, через асфальт прорастут. Мёдом им тут намазано что ли. Москва – она же не резиновая. Ну да ладно, глазищи большие, синие, вон как переживает.

– Подожди. Я позвоню коллеге на Варшавскую овощебазу. У них там большой недобор. Может, и дали лимиты... Ну всё, поезжай. Но имей в виду, местечко не очень.

* * *

– Но имей в виду, парень, место у нас не очень. Ты, может, сначала сходи общагу посмотри.

Серая панелька на пустыре за овощебазой встретила будущего пролетария разудалой разногласицей из открытых по случаю жары окон. В вечернее небо вырывались «Кони» с хрипотцой Высоцкого, томно выплывал «Айсберг» Пугачёвой. Но вот всех перебил визгливый женский крик, который непревзойдённо поносил какого-то Колю. Так же внезапно крик оборвался, явно не успев донести до слушателей всю глубину нравственного падения Коли. И, наоборот, заревел тяжёлый бас. Впрочем, и он ревел недолго и вразумительных, равно как и приличных, слов не содержал. Надлежащим образом подготовленный соискатель вакансии грузчика переступил порог общежития. В нос ударил запах еды, и он вспомнил, что ничего не ел с утра.

– Простите, вы не знаете, где комендант?

– Чё? Тебе кого? Коменданта? Да он лыка не вяжет. Слышь, сгоняй за пол-литрой, – живописный тип в сатиновых трусах и наколках поводит мутным глазом и нетвёрдо пошаркивал ногой, словно конь передним копытом, видимо, перманентно проверяя её способность поддерживать тело в горизонтальном положении.

С трудом отделившись от требовавшего продолжения банкета аборигена, он наконец разыскал пресловутого коменданта в какой-то комнате без окон, снизу доверху заваленной банками с краской, рулонами обоев и другой полезной в хозяйстве всячиной. Комендант был, конечно, подшофе, но чтобы лыка не вязал – это преувеличение.

– Пойдём, покажу тебе хоромы, – доброжелательно отреагировал он на просьбу. – Но имей в виду, ребята щас бухие. Ты не обращай внимания. Утром будут как огурцы – на работу же!

Ребята, а их в комнате оказалось трое, четвёртая койка свободна, действительно были бухие. И прогноз коменданта насчёт огурцов вызывал большие сомнения. Это были взрослые парни, явно после армии, а возможно, и не только. Перспектива потесниться их точно не обрадовала. Лишь один пьяно ухмыльнулся: «Во, будет кому убираться. И это... в козла забить – кворум набирается».

– Да ты не бойся, – успокаивал на обратном пути сердобольный комендант, – там Лёшка – сидевший, он в обиду по беспределу не даст. Ты его держись. Это в синей майке который.

Пацан вспомнил тяжёлое лицо на крепкой шее и царапающий взгляд. Перспектива такого соседства разительно диссонировала с его представлениями об учёбе в Москве. Да и вообще сегодняшний день походил на похмелье после вчерашней эйфории, когда хотелось обнять весь мир. А главное – ну не было места в его мечте этой серой панельной многоэтажке.

– Послушайте, а вы не знаете, где ещё можно устроиться грузчиком по лимиту? Поближе к метро «Университет». А то я на вечернее поступил, а отсюда не наездишься.

Комендант задумался. Он выглядел пронырой. Мальчик не знал, что так выглядит его судьба.

– Ща, дай сообразить. Университет, университет... Это ж Ленинский рядом, да? Ну, недалеко. «Дом ткани», а во дворе – Октябрьский райпищеторг. А общагой у них заведует

Зинуля. Огонь, а не баба! Точно! Она говорила, что у них такой недобор продавцов, что по лимиту со всей страны везут. Вот куда тебе надо.

– Спасибо! А адрес там какой?

– Адрес не знаю. Найдёшь площадь Гагарина на Ленинском. Её все знают. Там памятник стоит. «Железный Юра» называется. Встанешь к нему задом, к магазину «Дом ткани» передом. По левую руку вход во двор. Там найдёшь. Зине привет!

* * *

– Нет, молодой человек, грузчики нам не нужны, – длинные чёрные ресницы испуганно вздрогнули.

В глазах – отчаяние. Начальник отдела кадров, женщина средних лет в очках и с короткой причёской, удивлённо взглянула на симпатичного юношу – совсем мальчика. За всё время своей работы она ещё не сталкивалась с таким страстным желанием потрудиться в их райпищеторге.

– Но нам требуются мясники, то есть продавцы мясных товаров. И под эту позицию мы можем предоставить лимитную прописку. Первые четыре месяца надо отработать учеником продавца. За это время выплачивается стипендия 40 рублей. А потом, в случае успешной сдачи экзаменов, присваивается квалификация младшего продавца, и зарплата будет уже 90 рублей. Ну что, согласны?

– Правда?! Ура! Что, я? Да, конечно, согласен! А в общежитие можно сегодня поселиться? Ой, ну то есть... а то мне ночевать негде. В Доме студента МГУ сегодня истекает срок для абитуриентов.

Женщина улыбнулась. В ней сработал материнский инстинкт, ей было приятно помочь непосредственному и милому мальчишке. Вот только плохо представляла она его в разрубочной перед твёрдой, как сталь, мороженой коровьей тушей с тяжёлой «тупичкой» в руках. Ну да, не боги горшки обжигают.

– Да, можете сегодня заселиться. Я подпишу направление. Но имейте в виду, в общежитии вы будете единственный мужчина. Остальные – девушки. Продавец – преимущественно женская профессия.

– А как же... – он растерялся, – а мясники? Они же мужчины.

– Да, мясники – мужчины. Но у нас все мясники – москвичи. В этом году впервые недобор случился. Так что вам повезло.

– Здорово, – но прозвучало без прежнего энтузиазма. Мальчик явно растерялся. Хотя и не мог себе объяснить, что его так напугало. Девушки – они же не кусаются. Ведь правда?

* * *

Нет, они не кусались. Наоборот, были очень милые, молодые и хорошенькие. И удивлённо выглядывали из своих комнат, когда он, пунцовый от стеснения, с потёртым чемоданчиком, в неважно выглаженной – как сумел – белой рубашке и аккуратных брючках со стрелками, шествовал по длинному общажному коридору.

Слух о том, что в общежитие поселяется мужчина, пронёсся молниеносно. Кто был источником – непонятно. Но на то он и слух, чтобы не иметь авторства. Насчёт мужчины – выглядело явным преувеличением.

Мальчик был высокий, стройный и худощавый, если не сказать худой. Но это была спортивная худоба – гибкая и сильная. Широкие плечи, узкий таз – всё предвещало, что не за горами то время, когда он превратится в породистого самца. Ну а пока наивный мальчишка смотрел на мир широко распахнутыми голубыми глазами под густыми чёрными ресницами.

Румянец стеснения играл на матовых нежных щеках, ещё не знавших бритвы. Правильно очерченные скулы, высокий чистый лоб. Его можно было бы назвать красавчиком, но от слащавости спасал некогда правильный, а теперь явно перебитый нос с белым шрамом на горбинке. Кончик носа смотрел чуть в сторону. И это делало его непохожим на пай-мальчика, но и не портило. Просто он выглядел самым собой – уличным мальчишкой, искренне расположенным к людям, но умеющим постоять за себя.

Вот наконец-то и его комната номер 32. От коридора её отделял крохотный предбанник с двумя дверями – одна его, номер 32, на другой красовалась цифра 33. В этом предбаннике он и столкнулся нос к носу с выплывшей из второй двери молодой холёной хищницей. Словно акула в глубинах океана, она двигалась плавно и грациозно. Домашний халатик едва застёгивался на дерзко выпиравшей высокой груди. Далее, свободно струясь по узкой сильной талии, халатик снова начинал натягиваться чуть пониже спины. Казалось, стоит дотронуться – и ткань лопнет, с сухим треском отскочат пуговицы и... А под халатиком-то ничего и нет! Из белья, в смысле. Нет, он этого не мог знать, но почему-то был уверен. Мальчик остолбенел, хищница удивилась.

– Простите, это комната тридцать два? – и он глупо ткнул пальцем в цифру 32.

Глубокий грудной смех, сопровождавшийся невыносимыми колебаниями в глубинах халатика, привёл его в невозможное замешательство. Чувствуя, что краснеет, он с ужасом почувствовал ещё один, гораздо больший повод для конфуза. В паху стремительно набухало, и теперь уже его отглаженные брючки грозили лопнуть по шву. Неловко прикрывшись чемоданчиком, он стремительно рванул ручку двери на себя и, ни слова больше не говоря, нырнул в спасительную пустоту своей комнаты. К панике, обуявшей его, примешивалось какое-то новое, незнакомо-терпкое чувство. В груди замирало, а потом толчками распространялось по всему телу. И эпицентр толчков находился вовсе не в груди.

* * *

– Алло, привет! Я в общагу поселился. Тут одни девчонки. У меня в комнате ещё две кровати свободные. Хотите – приезжайте с Валеркой. Адрес запомнил? Это недалеко от метро «Шаболовская». Давайте, жду! – он положил тяжёлую металлическую трубку на рычаг и невольно улыбнулся. На душе стало спокойнее. Через пару часов приедут Олег с Валеркой.

С ребятами он познакомился во время сдачи вступительных экзаменов в МГУ. Олег был из Запорожья. Шустрый и общительный, он первый подошёл к нему перед консультацией и начал задавать массу вопросов. Вопросы были очень практичные и в голову самому Ромке просто не приходили. Его самого волновал только один вопрос – поступит он или нет. И ответ на него был жизненно важен. Точнее, он даже не задумывался, что будет, если он не поступит. Такая опция в его планах на жизнь просто отсутствовала. Ему достаточно было сдать первый экзамен, математику, на пятёрку – и он зачислен. Медаль, золотая медаль, первая в его школе за одиннадцать лет, вот что он считал своим козырем. Олег, однако, быстро развеял его иллюзии. Из пятисот абитуриентов, сообщил он, золотых медалистов около двухсот. Мест же на их специальность всего двадцать пять. Причём четыре места зарезервированы под нацкадры, то есть представителей союзных республик, а ещё четыре – под выпускников рабфака, ребят, имевших армейский или трудовой стаж и окончивших подготовительное отделение. Так что остаётся семнадцать. По одному на тридцать абитуриентов. И на одиннадцать медалистов.

Настроение упало. «И откуда он всё это знает?» – подумал расстроенный Ромка. Он не рассчитывал на такую конкуренцию. Нет, он, конечно, знал, что экономический факультет МГУ – один такой на весь трёхсотмиллионный Союз. А по выбранной им специальности – «планирование народного хозяйства СССР» – набирается единственная группа. Но из Пензы всё это выглядело как-то иначе. Радужнее. Теперь же, стоя среди сотен таких же умных и често-

любивых мальчишек и девчонок со всех концов необъятной родины, он впервые осознал, на что замахнулся.

Оказалось, что, пока Ромка с утра до ночи решал бесконечные дифференциальные уравнения из раздобытого уже здесь, в Москве, сборника для поступающих, Олег крутился вокруг факультетской избирательной комиссии, завёл там полезные знакомства, преимущественно среди девчонок-лаборанток, и был доверху нагружен всевозможными околоэкзаменационными слухами. Так, он поведал, что среди поступающих масса блатных. Есть даже дети министров и членов ЦК! И, тс-с, то ли дочка, то ли внучка кандидата в члены Политбюро! Такого удара под дых Ромка точно не ожидал. Он знал фамилии и краткие биографии всех членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Их портреты висели во всех школах и общественных местах страны. Суровые и значительные лица с выраженными носогубными складками, казалось, внимательно вглядываются в широкие народные массы, стремясь определить степень их, масс, преданности партии. Они – всего два десятка человек – управляли огромной страной и держали за горло весь остальной мир. Да как он вообще решился со свиным-то рылом да в такое место? Олега же, казалось, ничто не смущало.

«Прикинь, вот круто было бы познакомиться! – ничтоже сумняшеся заявлял он. – Только как тут её вычислишь?» Сами экзамены, похоже, его не сильно волновали. «Главное, „банан“ не словить. А если сдашь все экзамены, то с этими баллами из МГУ куда хочешь вне конкурса возьмут», – ещё одна новая, хоть и не проверенная информация. И если раньше Ромка даже в мыслях не допускал такой возможности, то теперь задумался: «А что я буду делать, если не поступлю?»

Вообще-то один компромисс он уже допустил – ведь он не собирался поступать в МГУ. Да-да. А собирался он – вы только не смейтесь, пожалуйста, – в святая святых. Да ладно, чего уж там – прямо в МИМО. От этой аббревиатуры у него привычно захватило дух. Московский институт международных отношений. Вот это последнее словосочетание – «международные отношения» – это и было его мечтой.

Начиная с восьмого класса он при каждой возможности наведывался в магазин политической литературы. И там подолгу простаивал у полки издательства «Международные отношения». Он смотрел на корешки книг и мысленно переносился туда – на поля невидимых и бесшумных, но бесконечно ожесточённых дипломатических сражений. Наша страна, весь лагерь социализма находится в кольце врагов. Они агрессивны, они сильны и вероломны. Они готовы на подлость и не готовы признать очевидное – смена эпох неизбежна. Их время заканчивается – такова парадигма социальной эволюции. Это бесспорно доказали пролетарские классики во главе с Марксом, Энгельсом и Лениным – некоторые самые важные работы Ленина он знал почти наизусть. Но им есть что терять. Всем этим капиталистам-эксплуататорам. Конечно, столько лет они угнетали свои народы, грабили колониальные страны. И, чтобы сохранить награбленное, они дурят собственный пролетариат, держат его в неведении, скрывают или искажают очевидные факты. Надо же придумать такое, СССР – агрессор. Да Советский Союз неустанно борется за мир во всём мире! Это всем известно. Именно наши дипломаты, находящиеся на переднем крае борьбы, доносят правду до простых трудящихся по всей планете. Противостоят этой наглой и лживой пропаганде.

Он очнулся от воспоминаний. Ничего, зато сам не заметил, как вытер пыль в комнате и разложил вещи. Это было несложно – комната невелика и вещей негусто. Ещё бы полы протереть, но для этого надо раздобыть ведро или тазик с тряпкой, а значит, снова выбираться из своего убежища. Он и сам не мог толком объяснить, почему вдруг заробел перед противоположным полом. Вообще-то он всегда был довольно боек в общении. И с девчонками в том числе. Но то были знакомые девчонки-ровесницы – в классе, во дворе, в пионерлагере. И сам он находился в компании пацанов. Так и общались компания на компанию. Опыт общения тет-а-тет тоже имелся, конечно, но был менее богат.

Серьёзно он влюблялся раз пять. Смотря что понимать под словом «серьёзно». Но трудности с засыпанием и уверенность, что она – лучшая на свете, как минимум. Потеря аппетита и даже температура – это уже тяжёлый случай, и он произошёл лишь однажды. Желание оказаться с той или иной незнакомой девочкой на необитаемом острове, когда весь остальной мир вдруг исчезнет, посещало чуть ли не ежедневно ещё с детского сада. Вот такой разброс критериев для определения одного чувства – любви.

Одноклассница Ленка Воронова сводила его с ума с четвёртого по восьмой класс с тремя или четырьмя перерывами. Это была классическая болезненная безответная любовь. Он любил её. Она любила Серёжку Филина. А Серёжка Филин не любил никого, потому что был самым красивым мальчиком в школе и не понимал, зачем кого-то любить, если все и так его любят. Ситуация усугублялась тем, что Фил был одним из его лучших друзей и частенько делился подробностями, как девочки бегают за ним, и Воронова в том числе. Это было мучительно. Мозг искал выход – и периодически находил.

После шестого класса, в пионерлагере, он в первый же день, когда ещё ехали в автобусе, влюбился в красивую девочку. И, о чудо, она тоже обратила на него внимание. Два дня он ходил с ней за ручку, не обращая внимания на насмешки пацанов. А на третий они даже поцеловались. В кустах, когда все собирали чернику. Одновременно потянулись за одной ягодой, стукнулись лбами, расхохотались, их лица оказались невыносимо близко. Неожиданно её глаза перестали смеяться и сделались вдруг серьёзными и немножко тревожными, а потом она их закрыла, и её губы заслонили всё вокруг. Сначала он почувствовал её дыхание на своих губах, а потом терпкий вкус ягод и солнца.

Но счастье оказалось недолговечно, как любое настоящее счастье. В этот же день выяснилось, что у девочки имеется воздыхатель из старшего отряда и они даже встречались в прошлом году. Он поинтересовался, что она об этом думает. Девочка ответила, что это дело прошлое, а сейчас она любит только его. На седьмом небе от счастья, он позабыл не только Воронову, но и всё на свете. Свежие, пахнущие летом и ягодами губы Гали Постниковой заслонили весь остальной мир.

Но с этим не согласился отвергнутый ухажёр. Он был на два года старше, что в том возрасте весьма существенно. Ромку вызвали на улицу во время тихого часа. Там в кустах поджидал соперник с друзьями из своего отряда. К счастью, они оказались благородных наклонностей и постановили, что драться надлежит один на один. Было страшно, но уклониться не было ни малейшей возможности. Её лицо со вздёрнутым носиком, милыми веснушками и бездонными доверчивыми глазами стояло перед мысленным взором, когда он вышел и неожиданно быстро и складно наваял старшему товарищу. Как говорится, глаза боятся, а руки делают. Наверное, помогли занятия боксом, но главное, конечно, настрой. Он не мог проиграть. Старшие пацаны были обескуражены, они ожидали нравоучительного избиения, и они его получили, но с неожиданным финалом – их приятель с разбитым носом и со слезами на глазах убежал в лес. Что само по себе немыслимо. А главное, от кого – от малолетки!

Новость моментально разнеслась по лагерю, и он стал героем. Однако история на этом не закончилась. Вечером на дискотеку приехала толпа совсем взрослых парней на мотоциклах из соседней татарской деревни. Они искали его. Это не укладывалось в голове и не укладывалось в положения устава ленинского комсомола, членами которого большинство из них наверняка являлись. Директор лагеря, женщина, спрятала его в пустом медпункте. Когда она закрывала хлипкую стеклянную дверь на ключ с противоположной стороны, он увидел, как дрожат её губы.

Было не просто страшно. Было очень страшно. Фары мотоциклов освещали тёмный лагерь. Дискотеку прервали, вожатые увели детей в корпуса. По пустым тёмным дорожкам между корпусов бродили пьяные парни с папиросками в зубах, брюки заправлены в резиновые сапоги, на головах кепки, руки в карманах. Они шумно и непонятно переговаривались между

собой, периодически вставляя русскую ненормативную лексику. Трудно было поверить, что всё происходящее – из-за него. Директриса с завхозом тщетно уговаривали их покинуть территорию. Они зло смеялись в ответ и делали вид, что не понимают.

Наконец приехал вызванный участковый. Он был местный, тоже татарин. Ему быстро удалось разрешить ситуацию. Парни уехали. Тёмный лагерь испуганно молчал.

Наутро их обоих отвезли в город и отправили по домам. По дороге незадачливый соперник – а он тоже был напуган – рассказал, что пожаловался своему дальнему родственнику из той самой деревни, что его избили. Тот пообещал разобраться. А вышло вон оно как! И что же теперь будет? А Галя, между прочим, ему совсем не нравится.

Из лагеря их отчислили. Формально за драку. Историю замяли. А счастье было так близко!

С улицы в открытое окно влетело: «Ромка! Ромка!» Наконец-то. Он горохом скатился с лестницы. Улыбающийся Олежка и серьёзный, взрослый, отслуживший армию Валерка поджидали его у подъезда в тенёчке. Впрочем, тень не спасала от зноя. Волосы у ребят прилипли ко лбу, белые, совсем недавно глаженные рубашки – в пятнах пота. Тем нелепее смотрелись в их руках две бутылки водки «Столичная» по ноль семьдесят пять и две пачки пельменей «Останкинские» по ноль пять. Он даже растерялся.

– А это зачем? – кивнул на бутылки.

– Пригодится, – веско заметил Валерка.

И точно, пригодилось. Ребят ни в жизнь не пустили бы в общагу, если бы не Валеркин опыт и не тёплая, отвратительная в такую жару водка. Дело в том, что на страже этого гарема времён развитого социализма стоял неподкупный и безжалостный цербер дядя Миша – ветеран ещё, видимо, НКВД, отмороживший на Севере не только чувства, но и яйца. Женщин он не любил. В принципе, он никого не любил. Поэтому попасть в общежитие без заявки и разрешения коменданта представлялось почти непреодолимым препятствием. Порой родственники девчонок, приехавшие издалека, подолгу томились на лестнице, пока все формальности будут улажены. Кавалерам же вход был категорически запрещён. Гарем как-никак. Вот только чей? Неужели? Стоп! Об этом позже.

Дядя Миша окинул троицу не по-стариковски цепким взглядом и ржавым голосом прокрипел:

– Куды наострились?

Ромка несмело:

– Я сегодня поселился. Я вам отдавал направление. А это друзья – ко мне в гости.

Лицо старика ещё больше посуровело.

– Поселился он. Без году неделя, а туды же – дружков водить. Ладно энти вертихвостки, и этот хорош! Тут вам не ночлежка.

Видно было, что он испытывает почти физическое удовольствие, запрещая и пресекая. Тот ничтожный властный ресурс, что был ему отпущен скромной должностью, он использовал по максимуму, облекая обычные средства коммуникации в иезуитские выражения, ставящие собеседника в неловкое положение. Но и это не помогало. Разжалобить его было невозможно. Поиздевавшись над жертвой, он, упиваясь её униженным состоянием, всё равно отказывал:

– Ты проходи. А энти – за дверь.

Ромка растерялся. Но тут в ситуацию вмешался Валерка. Невзначай он достал руку с бутылкой из-за спины. Взгляд старика мгновенно оценил изменение диспозиции. В нём явственно читалась борьба страстей. С одной стороны – вьевшееся с годами следование инструкции и доставляющая неизъяснимое удовольствие возможность поглумиться над безответными жертвами, с другой – простое, как три копейки, незатейливое желание выпить, при-
сущее каждому русскому мужику, будь он хоть вохровец, хоть нарком.

Валерка подавил:

– За вновь прибывшего.

Этот армейский казённый язык был единственно близким и понятным дяде Мише, и сермяжная правда пересилила. Он воровато оглянулся, рука нырнула в ящик стола и вновь появилась уже с гранёным стаканом. Валерка незамедлительно скрутил пробку, и водка забулькала в ёмкость. По мере наполнения стакана глаза старика становились всё более маслянистыми и наконец, когда жидкость заполнила три четверти объёма, подёрнулись мечтательной пеленой. Он ещё не прикоснулся губами к сосуду, а мозг уже начал переход в параллельную реальность – морщины на лбу разгладились, лицо смягчилось, подрагивавшая рука обрела неожиданную твёрдость. Водка вливалась в него просто и естественно. Казалось, они были созданы друг для друга, как болт и гайка. Наконец, последняя капля перекочевала внутрь большого угловатого тела, и таинство соития завершилось.

– Смотрите не безобразничайте, – это карканье прозвучало как музыка – большего дружелюбия из старого служаки не удалось бы выдавить и формовочным прессом.

* * *

Они не собирались дожидаться официального приглашения и моментально ввинтились в узкий длинный коридор. Оставив ребят осваиваться в своей комнате, Ромка поспешил спастись пельмени. На кухне размещалось несколько разделочных столов, рукомоёвников и газовых плит. Разнообразные запахи готовящейся еды дразнили обоняние, но он не успел обратить на это внимание, ибо открывшаяся картина захватила воображение целиком. Около дюжины молоденьких продавщиц, чрезвычайно легко одетых по случаю жары, разом повернулись на вошедшего и... «Ой», – взвизгнула одна, испуганно прикрывшись кастрюлей, как щитом, поскольку была в юбочке и лифчике, не обременяя молодое загорелое тело излишними в этой знойной душегубке предметами. Да и остальные выглядели совсем-совсем по-домашнему. И очень сексапильно, между прочим.

Непрерывно извиняясь, он в смятении пробрался к крайней, самой неудобной плите в углу и, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, принялся неловко колдовать над раскисшими пельменями. Надо сказать, что выглядели они неважно. В смысле, пельмени. А впрочем, и их владелец тоже. Серые липкие комочки нипочём не хотели отделяться друг от друга и наконец двумя большими комками были погружены в также не желавшую закипать воду.

Вдруг Ромка почувствовал, как крутое упругое бедро легонько оттеснило его от плиты, и насмешливый голос произнёс прямо в ухо:

– Эх, горе луковое, кто же так пельмени варит!

Взгляд красивых серых с поволокой глаз тоже был насмешливым и призывным одновременно. Казалось, что за этой нарочитой бойкостью также скрывается стеснение. Всё продолжалось несколько мгновений, но этого хватило, чтобы пробежала искра.

– На, отнеси в пятьдесят восьмую, – и ладная, хорошо сложенная незнакомка с большими серыми глазами отдала ему в руки укутанную в полотенце пловницу, из-под крышки которой вырывался непревзойдённый аромат.

Он послушно принял утварь и направился в неведомую пятьдесят восьмую, краем глаза успев заметить, как его пельмени исполнили «полёт шмеля» в мусорный бак. Вся кухня, наблюдая за этой короткой сценой, однозначно и недвусмысленно поняла, что этот молоденький симпатичный мальчик, не успев ещё толком поселиться в их общежитие, уже занят. И не кем-нибудь, а секретарём комсомольской организации торгова – красавицей Люськой. Разбитной и дерзкой, с шальными серыми глазами, вводящими встречных мужчин в состояние ступора. Она была чересчур напористой и своенравной – по мнению окружающих. Раннимой и нерешительной – по её собственному мнению. Самое интересное, что обе точки зрения имели право на существование.

В пятьдесят восьмой комнате оказалось три кровати и, соответственно, ещё две девушки, которые как раз заканчивали накрывать на стол. Ромка нерешительно остановился на пороге с пловницей в руках. Девчонки же не растерялись.

– А, новенький? Ставь на стол, – скомандовала бойкая и пухленькая, в мелких кудряшках. И без перерыва: – Ира. А это Лайма, – и указала на высокую, статную, с идеальным греческим профилем блондинку.

– Лайма, – с заметным прибалтийским акцентом подтвердила та несколько высокомерно, сразу задавая дистанцию.

Девушка была исключительного экстерьера, знала это и ясно давала понять всем окружающим, что её нахождение в этой комнате, в этом общежитии – явное недоразумение, которое, впрочем, скоро разрешится.

– А я Людмила. Люда.

Это в комнате появилась уже знакомая девушка с кухни. В руках она держала тарелку с горкой салата и смотрела почему-то не на Ромку, а на Лайму. Взгляд был всё тот же насмешливо-ироничный, но в этот раз в нём читался ещё и лёгкий вызов. Чувствовалось, что между девушками существует безмолвное соперничество. Обе были хороши, но в то же время совершенно разные. Ни в чём не похожие друг на друга.

Людмила была абсолютно живая. Быстрая смена настроений моментально отражалась на её красивом подвижном лице, заставляя то мило морщить лоб, то рассыпать смешливые искорки в глазах, то хмуриться – и тогда из-под ровных бровей врзлёт, из-под пушистых чёрных ресниц ощутимо постреливали молнии. А её женская изначальность выражалась буквально во всём – осанке, голосе, капризном изгибе влажных ярких губ. Сама естественность, она, не предпринимая никаких усилий, мгновенно возбуждала в мужчинах физическую страсть, так же быстро загораясь сама.

Лайма была красива строгой северной красотой. Горделивая посадка головы, абсолютно правильные черты всегда уравновешенного мраморного лица. Даже если она смеялась, глаза оставались бесстрастными. Если сердилась, тонкие крылья точёного носа слегка раздувались, а обычно светлые, как латышское небо, глаза темнели, выдавая бушующую внутри страсть. Мужчины робели перед ней и не решались проявлять инициативу. А она, хорошо понимая их состояние, не собиралась идти навстречу, оставаясь недосыгаемой, как античная скульптура, – прекрасной и холодной.

Ромка не привык анализировать своё отношение к девушкам, обычно обходясь двумя категориями – нравится или нет. Сейчас ситуация была иной. Он почувствовал это в те несколько секунд, пока ставил посудину на стол, окидывал всех взглядом и представлялся:

– Роман, то есть Рома. В общем, Ромка, – и сконфуженно улыбнулся.

Смешливая Ирка прыснула в ладошку, Людмила расхохоталась, чувственно кривя рот и обнажая белые зубы. Даже Лайма улыбнулась, и глаза её потеплели. Мальчишка производил впечатление мягкой игрушки вроде плюшевого мишки, таким искренним и непосредственным он выглядел.

– Как ты оказался в нашей общаге? – с очаровательным акцентом отчеканила Лайма.

– А я на работу к вам устроился. Мясником. И вот – комнату получил, – с некоторой гордостью ответил Ромка. Теперь ему уже казалось, что это даже здорово – учиться на вечернем и работать. Очень по-взрослому.

– Отдельную комнату? – изогнула бровь Лайма. В ней чувствовалась практическая хватка.

– Лайма, хватит допрашивать. Давайте за стол садиться. Рома, не стесняйся! – это домохозяйка Ирка с присущей ей заботливостью брала мальчика под своё крыло.

– Ой, я не могу. Меня там ребята ждут, – он только сейчас вспомнил, что вообще-то его послали пельмени сварить. А пельменей-то и нет. Вот дела!

– Ха-ха-ха! А я думаю, куда тебе две пачки пельменей. Отравишься ещё. Они же пополам с туалетной бумагой. А его ребята ждут. Что за ребята? Пельмени, кстати, я выкинула, – это Люда.

– Олег с Валеркой. Мы вместе поступали в МГУ. Только они не поступили, а меня на вечернее взяли.

– Ого, какой ты умный. МГУ! Зови своих ребят. Всех накормим! – для Людмилы всё было легко и весело.

Уже выходя, он заметил недовольное лицо Лаймы.

– Ты где ходишь? Где пельмени? Нам закусить нечем, – уже накотивший Валерка утратил обычную сдержанность и был возбуждённо словоохотлив.

– Может, девчонок пригласить? Я там познакомился на кухне. Пока тебя искал. Кстати, а где ты был? А где пельмени? – это Олежка. Он, как и Ромка, ещё не имел алкогольного опыта и опасливо отнекивался от настойчиво предлагавшего налить Валерки.

– Пельмени я прое...л! – выдал заготовленную фразу Ромка и взял театральную паузу.

– В смысле? Не понял! – Валерка был грозен.

– А как же? – Олежка растерян.

– В том смысле, что нас приглашают на плов. В пятьдесят восьмую комнату. Кстати, там три девушки, – сказал Рома и не смог сдержать широкой улыбки.

– Это дело. Молоток! – одобрил Валерка.

– А девушки ничего? – поинтересовался Олежка. У него были все задатки будущего выдающегося бабника. Несмотря на небольшой рост, он не комплексовал и, обладая морем обаяния, знакомился влёт. Зачастую девушка не успевала опомниться, как соглашалась на свидание и даже нечто большее, не понимая потом, как это могло случиться.

– Тебе понравятся. Главное, чтобы ты им понравился, – не преминул подтрунить Ромка. И троица отправилась в культпоход, который сыграет значимую роль в жизни двоих из них.

* * *

– Девочки, привет! А вот и мы! – Валерка, держа в руках две бутылки, как некий волшебный ключ, открывающий, по его мнению, и двери, и сердца, первым решительно переступил порог.

– Ой, какие вы вооружённые! – игриво откликнулась Ирка.

Девочки тоже не теряли времени даром. На столе стояла пузатая бутылка, в чайных чашках пузырился игристый напиток с гордым названием «Советское шампанское».

Стол отодвинули от стены, насобирали по общежитию ещё три стула, и все поместились. Правда, Ромке с Олегом пришлось сидеть на кровати, и в комнате было не пройти. Но разве это важно? Комнатка была небольшая, но уютная – как-никак девчонки жили. На стенах рядом с кроватями висели традиционные коврики, изображающие то оленей, то утро в лесу. Прикроватные тумбочки и подоконник украшали опрятные чистенькие салфетки с вышивкой. На внутренней стороне двери висел иностранный перекидной календарь двухлетней давности, но с яркой картинкой, переносящей в шикарную заграничную жизнь: блондинку в бикини обнимал чрезвычайно мужественный самец с белозубой улыбкой, и всё это на фоне пальм и шикарной яхты.

Первый тост, как водится, был за знакомство. Шампанское на этом закончилось, и Валерка налил всем водки. Девчонки не ломались. Ромка с Олегом переглянулись. В этой обстановке невозможно было признаться, что они и шампанское-то пили впервые в жизни, не говоря уж о водке. Тем более что в голове уже приятно зашумело и проблема перестала казаться такой страшной.

Ромка с раннего детства занимался спортом и всегда считал алкоголь и сигареты страшным злом. Хотя одноклассники увлекались этим делом уже класса с восьмого. Он вспомнил своего тренера по боксу – Михалыча. От того частенько попахивало спиртным даже во время тренировок. А тренер по плаванию, Алексей Николаевич, дымил, как паровоз, и при этом когда-то был чемпионом России. Выходит, что можно? Вон и девчонки уверенно подняли чашки с водкой. Даже высокомерная Лайма, понюхав, презрительно сморщила носик, но чашку не опустила. А, была не была!

И чего он раньше боялся? Выпили по второй и по третьей. Ничего плохого с ним не происходило. Наоборот, всё было просто замечательно. Он рассказал пару анекдотов – все долго смеялись. Олег тоже держался молодцом – хохмил и всюду клеился к Лайме, хотя заметно ниже её ростом. Вот же уверенность в себе! Ему бы так! Людмила смотрела на него с явным интересом. Он постоянно ловил на себе её откровенный взгляд, но решительно не представлял, что должен делать. Валерка галантно ухаживал за Иркочкой, и той это решительно нравилось. Пару раз Валерка указывал ему на Люсю взглядом и многозначительно подмигивал. Но он никак не мог решиться. Что же делать, чёрт возьми?!

Ситуация разрешилась просто. Кто-то включил магнитофон. Стол придвинули обратно к стене, стулья вернули соседкам, и образовалось несколько метров свободного пространства. За окном стемнело, на столе зажгли неведомо откуда появившуюся свечу. Знакомый голос волнующе пел про миллион алых роз. Она подошла и положила руки ему на плечи, а он, внутренне замирая, обнял её за талию. Они медленно двигались в такт музыке, и он чувствовал под невесомой тканью жар молодого и жаждущего женского тела, так не похожего на подростковую угловатость его оставленной дома подружки. Гибкая спина, казалось, вибрирует под его широкими кистями, аромат незнакомых духов кружит голову, камня на камне не оставляя от нерешительности. Он опустил руку ниже, её тело замерло на мгновение, и вдруг словно разряд электрического тока пронизал её – она прильнула, словно пытаясь слиться с ним воедино. Низом живота она вдавливалась в его раскалённый набухший пах, большая грудь упиралась ему в рёбра, выпуклая упругая попа таяла под сильными пальцами. Ещё ничего не было, но всё уже случилось. Они близки, и не существует барьеров. Ничто не помеха – ни ткань между ними, ни танцующие рядом пары. Сознание уплывает, оставляя ощущение. Прерывающимся голосом она жарко шепчет в ухо: «Покажи мне свою комнату». И они молча уходят. Их никто не останавливает. Никто не задаёт глупых вопросов. Всё просто и естественно.

Уже светает, а скрип железной кровати с проволочной сеткой всё продолжается. Он дорвался и не может, не хочет останавливаться. Он ждал этого всю жизнь. Все семнадцать лет. С того момента, как родился. Ну ладно, столько, сколько помнил себя. Бессчётное число раз горячечно представлял, как это будет. И вот это произошло! Происходит! Сколько раз уже случилось за эту ночь? У него? У неё? Нет, не готов останавливаться! Надо отдать должное и партнёрше. Это была достойная битва двух начал, исполненных страсти.

Наконец она сдалась – потеряла сознание. Он не сразу понял. А поняв, растерялся и запаниковал. Бил по щекам – не помогает, только голова мотается из стороны в сторону. Даже пытался делать искусственное дыхание. А зачем? Она и так дышит. Только слабо. И глаза не открывает. Полное физическое и нервное истощение.

А не надо соревноваться с подготовленным спортсменом. Выносливым и неутомимым. В конце концов, судорожно натянув трусы наизнанку, он сгоял в туалет, набрал воды в рот и в пригоршни – а куда же ещё? Бережно донёс, к счастью, никого не встретив в коридоре, и только собирался прыснуть ей в лицо, как она открыла глаза и слабо ему улыбнулась. «Зае... л», – прошептала единственное слово и заснула, на сей раз дыша ровно и спокойно. Сглотнув воду, он придвинул вторую кровать, без белья, только с полосатым матрасом, лёг, взял её руку в свою и тут же уснул сам.

Утром она накормила его завтраком. Валерка спустя полгода женился на Ирке. Лайма предсказуемо «не дала» Олегу.

* * *

Праздник кончился, начались трудовые будни. Поначалу Ромку поставили в бакалейный отдел. Бакалея – это всё сыпучее – крупы, сахар, мука и кое-что льющееся – подсолнечное масло, например. В первый рабочий день, а он пришёлся на двадцатое августа, он приехал на работу без пятнадцати восемь, после очередной бессонной ночи, и ожидал какого-то серьёзного инструктажа как минимум, а скорее учёбы – ведь он ученик как-никак. Ничего подобного. Никто не сказал ни слова.

В восемь он стоял за прилавком в белом колпаке и фартуке, двери магазина открылись, и к нему подошла старушка – первый покупатель.

– Мне два кило песку и бутылку масла, – она протянула чек и пустую пластиковую бутылку не первой свежести.

Ну сахар ладно. Свернул, как сумел, кулёк из плотной серой бумаги, насыпал туда большим совком, торчащим из мешка, этого самого сахару, положил на весы и впервые в жизни взглянул на них с другой стороны прилавка. Всего восемьсот тридцать грамм. Это что же, ещё два кулёк вертеть? Нет уж. Досыпал в первый кулёк ровно до килограмма. Но теперь кулёк не заворачивался, и было непонятно, как в нём нести сахар. Старушка изумлённо наблюдала за его манипуляциями и, казалось, вот-вот начнёт возмущаться. Борьба со вторым кулёком увенчалась неуверенной победой – он даже почти закрывался. За старушкой между тем выстроились ещё две такие же. Теперь они втроём с любопытством наблюдали за ним.

Надо признать, что в бытовых вопросах он был абсолютно девственен, как любой мальчишка, и свято верил, что творог добывают из вареников. Кульки, несмотря на свою убудочность, уверенно исчезли в объёмистой бабкиной авоське. Предстояла неравная борьба с растительным маслом, которое находилось в огромной бочке, весящей, на взгляд, не меньше центнера. И как из неё налить в литровую бутылку с микроскопическим горлышком, он решительно не представлял. Ромка повернулся к покупателям, коих набралось уже пяток, и покаянным голосом рассказал, что он сегодня первый день в этом новом для него статусе. Одна старушка, стоящая второй, сочувственно охнула и широко открыла рот, чтобы поведать всему магазину о переполнившем её чувстве.

– Тише, тише, – умоляюще затараторил он. – Просто подскажите, как это делается.

– А, сынок, да всё просто, – сразу подобрев, начала первая. – Вон помпочка, ею и накачаешь, – и точно, всё получилось.

До обеда у него постоянно имелась очередь, но никто не пожаловался и даже написали благодарность в книгу жалоб и предложений, что он очень внимательный и обходительный.

Во время обеда на небольшой кухоньке ему налили тарелку наваристого бульона, в котором плавала половинка луковицы и располагался огромный кусок мяса, занимавший большую часть объёма. Давно он не ел с таким аппетитом. Как будто две тренировки подряд отпахал. В конце, когда он доглядывал мосол, оказавшийся эпицентром мясного ломтя, мясник, крижистый мужик в возрасте, сказал о нём в третьем лице директрисе: «Похоже, сработаемся». Ромка понял, что прошёл некое испытание. Рабочий день закончился спокойно. Очередь становилась всё меньше и к концу дня исчезла вовсе.

Мясник ошибся. Они не сработались. Две недели он простоял в бакалее. Наловчился. Очередей практически не создавал. Заработал ещё две благодарности. Это и стало камнем преткновения, чтобы влиться в коллектив. Третья благодарность оказалась двусмысленной, как троянский конь. Очередная старушка, которая подписалась как постоянный покупатель магазина с сороковых годов, написала крамольную вещь, что такого правильного взвешивания она

не помнит со сталинских времён. А масла в её бутылку два раза подряд юный продавец наливал под самое горлышко, а прежде наливали на два пальца меньше – за одни и те же деньги. Директриса, прочитав сей опус, нахмурилась и посмотрела на него как-то странно. Он ситуацию не просёк, но изменившуюся атмосферу почувствовал. Особенно красноречивым оказался факт отсутствия привычного масла в супе и небольшого продуктового набора, который до этого он неизменно получал в конце двухдневной смены.

Вечером он имел разговор с Люсей, которая прочно обосновалась в его жизни.

– А что ты хочешь, дорогой? Откуда мясо в тарелке возьмётся и колбаска с сыром домой, если ты ничего не зарабатываешь? – огорошила его Людмила, будучи, на минуточку, секретарём комсомольской организации.

– Это как? – снова ничего не понял он.

– Да всё очень просто. У вас же магазин без материальной ответственности. То есть продавцы не несут материальной ответственности за отпущенный товар. Сколько ты отпустил товара и сколько за него заплатили в кассу, тебя не волнует. За всё отвечает директор. С одной стороны, это хорошо – недостачи быть не может. С другой – ты и сверху ничего заработать не можешь. Это сделано специально, как эксперимент, призванный искоренить обсчёт и обвес. На самом деле всё это ерунда. Возможность зарабатывать как была, так и остаётся, просто верхушка распределяется через директора. Ты на каждом покупателе легко, ничем не рискуя, можешь делать до девяти копеек. Больше не надо, потому что с десяти при контрольной закупке наступает уголовная ответственность. Двадцать грамм на килограмм сахара недосыпал, двадцать грамм масла недолил. Кто это заметит? А если и заметит – что, человек ошибиться не может? Чай, мы не роботы, а живые люди. Ну, поскандалит такой крохобор, в крайнем случае к директору ходит. Тот пообещает разобраться и наказать. На самом деле ничего не будет – директор первый в доле. В день у тебя минимум двести – двести пятьдесят человек, умножаем на восемь копеек – двадцать рублей в день, сорок в смену. Вот отсюда и берутся мясо в супе и колбаска в пакете. И это пока ты молодой. Поставишь себя, вольёшься в коллектив – будешь половину деньгами получать. Ну, или как договоришься. Причём у мясников совсем другие цифры, это тебе не бакалея, – комсомольский лидер выдала всё это на одном дыхании, как первоклашке объясняют правила поведения в школе.

– А ты как же? – ничего глупее он спросить не мог.

Но Людмила снисходительно и терпеливо – он ей даже больше нравился таким, наивным и простодушным, – объяснила:

– А что я? Я – как все. Своё имею. Даже больше, чем все. Я сама материально ответственная. И с директором не делюсь, зря, что ли, секретарём стала – пусть только сунется, быстро на комсомольское собрание вынесу. Так что я в порядке. А ты не заметил, что на ужин кушаешь? Сервелатик финский, балычок, мясо – только вырезка... Что правда, то правда. Баловала она его изрядно. Дома он таких деликатесов не видел. Даже не подозревал об их существовании. И на самом деле не задумывался, откуда что берётся. Люся прекрасно готовила. Продукты были первоклассные. Он ел и нахваливал.

Но как же? Она так просто говорит об этом. А ведь это, как ни крути, воровство. У Ромки даже уши запыхали. Он, конечно, не с луны свалился и знал, что жизнь сложнее комсомольских собраний с их единогласными решениями. Но перед настоящим нравственным выбором оказался впервые. Мама в жизни чужой копейки не присвоила и его так воспитала. Казалось, какие могут быть сомнения? Надо высказать всё это Люсе в лицо. Поинтересоваться, как же ей не стыдно, а ещё комсомольский вождь! Небось на собраниях клеймит подобные пережитки капитализма, придумывает наказания для попавшихся воришек. Вот именно – попавшихся. Это слово помогло сформулировать то, что его смущало. Обыденность, с которой Людмила говорила на эту тему. Её уверенность, что это нормально и по-другому быть не может, только попадаться не надо.

– А что, все этим занимаются?

– Чем этим? – на сей раз она говорила резко и зло. – Что ты из себя целку строишь? Ты всерьёз считаешь, что можно прожить на 90 рэ в месяц? И при этом с восьми до восьми горбатиться и улыбаться всем этим козлам, которые и за человека тебя не считают. «Ой, отрежьте мне от нового батона. А то этот кусочек несвежий. Девушка, почему так медленно? А вы там не припрятали докторскую под прилавком?» – очень смешно спародировала она уже знакомые ему типичные ситуации. – Если хочешь знать, то да! Все! Ну, новички вроде тебя пока оботрут, ладно, народ потерпит. Но учти, недолго. И то потому, что ты несовершеннолетний, а то давно бы уже объяснили, откуда в хлебе дырочки. Есть на всю общагу пара дур, которые считают, что они волшебные. Ну так скоро вылетят с работы, а значит, из Москвы, и – до дому. Привет, Сызрань! Ты пойми, паршивая овца в стаде не приживается, – по мере того как она говорила, запал постепенно угасал, и закончила она совсем примирительно: – Но ты же не такой. А, Ромашка? Ты же молоток!

Она прижалась и прерывисто задышала прямо в ухо, а потом по-хозяйски запустила руку ему в штаны. Всё привычно закончилось сексом.

Отвалившись, она моментально заснула и по-детски беззащитно и счастливо улыбалась во сне. Ему же не спалось. Он смотрел на красивое, совсем юное лицо – ей едва исполнилось двадцать – и думал, что не любит и не сможет полюбить её. В первый момент знакомства он наделил её образ одухотворённостью, возвышенностью, которые так искал в женщине, но Люда оказалась очень земной. И дело не в том, что она не знала стихов, которые он читал ей по памяти. Дело в том, что они её не трогали.

* * *

Олег был на взводе. Время шло к четырём, он провёл в универмаге весь день. А дефицит всё не выбрасывали. Напрасно он неумоимо сновал по пяти этажам огромного серого здания, зубоскалил с молоденькими продавщицами, степенно интересовался здоровьем пожилых. Они тоже ничего не знали. Механизм появления дефицитных товаров не поддавался логике. Никто не знал, почему вчера в «Добрынинском» выбросили вожделенные джинсы, да не какие-нибудь индийские, а самые настоящие итальянские «Райфл», ещё и с ремешками. Ему очень повезло, он умудрился урвать две пары – одни себе, вторые взял побольше, самый ходовой размер. Сначала думал Ромке удружить, а то ходит, как лох, в продукции фабрики «Большевичка». Но, когда джинсы кончились, так же неожиданно, как и появились, и он, прижимая добычу к груди, пробирался к выходу сквозь кипящий разочарованием людской поток, к нему пристал какой-то взрослый парень совершенно провинциальной наружности – как потом выяснилось, шахтёр из Воркуты, кажется, там ещё полярная ночь всю зиму – и уговорил продать ему вторую пару. Заплатил, не крикнув, двести двадцать рубчиков, то есть в два раза дороже номинала, и совершенно счастливо заявил, что он теперь первый парень на деревне будет в своей Воркуте. А деньги, говорит, – угольная пыль, у него зарплата восемьсот рэ в месяц, а купить нечего. При этом воспоминании Олег невольно улыбнулся, его джинсы достались ему совершенно бесплатно, а он мечтал о них все школьные годы. Жаль, Светка и одноклассники не видят, как он теперь красуется. Нет, Москва, что ни говори, город возможностей.

Вдруг по залу, по бесконечной череде отделов словно прошёл электрический разряд. Олег подхватился, и вот уже невидимая воронка втянула его вместе с другими людьми и безошибочно приземлила в отделе женского белья. Давали чешские лифчики. Нимало не смущаясь, он занял очередь. Быстренько пообщался с женщинами, стоящими спереди и сзади, объясняя, что берёт для своей девушки, которая всю жизнь мечтала о таком. Даже бодро попросил совета, какой размер ему брать, трогательно изобразив собственными кулаками, сложенными в фигу, объём предметов, подлежащих упаковке. Женщины хихикали, но активно подсказы-

вали. Главное было сделано – они его запомнили и прониклись. До кассы было человек пятьдесят, он успел к самому началу. А значит, у него есть с полчаса. Женщинам он сообщил, что ему надо в туалет – живот скрутило, но он скоро вернётся. Уж запомните его, пожалуйста. Конечно-конечно, отвечали ему со смехом, такого разве забудешь? Отпросившись, он быстро промчался в хвост очереди, которая постоянно прибывала, и там занял ещё одну, повторив трогательную историю. Когда вернулся, до кассы оставалось совсем чуть-чуть. Очутившись у окошка, быстро поведал кассирше, что ему надо купить лифчики девушке и маме и он не знает, кого выбрать, ведь дают только один в руки. Тронутая тётка выбила ему два чека. В результате до закрытия магазина он умудрился купить пять штук. А после закрытия продал каждый на десятку дороже, заработав, таким образом, пятьдесят рублей.

А у Ромки, между прочим, стипендия – сорок в месяц. И вкалывает он за неё с утра до вечера. Правда, он получил лимитную прописку и комнату в общежитии. Олег пока ночует у него, подмазывая дядю Мишу известным способом, но вопрос надо решать. Домой он не готов возвращаться категорически, а значит, в Москву надо вгрызаться намертво. Ромка обещал поговорить насчёт него в отделе кадров. Придётся, конечно, тоже впахивать два дня через два по двенадцать часиков, зато, как он узнал от девчонок, есть шанс лет через пять-шесть отдельную комнату в коммуналке на Ленинском получить. А это уже джек-пот. Это постоянная прописка, и ты – москвич. Под ложечкой засосало. То ли от такой головокружительной перспективы, то ли потому, что не жрал весь день.

* * *

– Лайма, передай хлеб, – Люся очень устала на работе и была не в духе. Её всё раздражало. Особенно Лайма, которая молча передала хлеб, казалось, всем видом демонстрируя, что делает одолжение.

С тех пор как у Люси появился Ромка, а у Ирки Валерка, напряжение между соседками усилилось. Валерка чуть ли не ежедневно оставался у них ночевать. Он раздобыл где-то старую дверь без петель и положил её на кровать под матрас, чем увеличил ширину ложа, а заодно решил проблему еженощного скрипа, который так раздражал Лайму. Зато сузился и без того небольшой проход между кроватями, и это опять-таки вызывало недовольство Снежной Королевы, как за глаза окрестили латышку в общежитии. Дело в том, что именно её кровать была напротив Иркиной. Засыпать под Валеркино сопение и просыпаться, лицезревая его зад на расстоянии вытянутой руки, удовольствие, конечно, ниже среднего. Тут Люся её понимала. А с другой стороны, что она хотела? Это общежитие, а не отдельная жилплощадь. Должна же у людей быть личная жизнь. Не устраивает – пусть возвращается в свой Тукумс. Никто не держит. Там пусть ждёт своего принца на белой «Волге». А будет права качать, они её быстро в бараний рог свернут. Ирка тоже активистка – профорг. По комсомольской линии пропесочат, по профсоюзной. Против их тандема вряд ли кто-то в общежитии устоит. Даже комендантша Зина предпочитает с ними дружить.

Сама Люся частенько ночевала у Ромки. Он, правда, добрая душа, приютил Олега, что её очень раздражало. Надо же, иметь отдельную комнату – и так бездарно ею распорядиться! Она рисовала в мечтах, как переезжает к нему и обустроивает их хоть временное, но своё гнёздышко. Уж она сумеет навести уют! Ромка ей очень нравился. Иногда даже казалось, что это любовь. Такой он был чистый, свежий, неиспорченный. Как глянет синими глазищами, ресницы чуть дрожат, как крылья бабочки, – душа замирает, и внизу тепло разливается. Секс с ним приводил её в исступление. А уж она знала в этом деле толк. Девственности лишилась в четырнадцать и ни разу об этом не пожалела. У неё было много парней, очень много. Можно даже сказать, что мужчины были главной страстью её жизни. Своего первого она думала, что любит, но быстро выяснилось, что и другие ничего, и больше чувствами она не заморачивалась.

Мужчины липли на неё, как пчёлы на мёд. Стоило лишь захотеть – и она получала любого. Сколько пар она разбила, сколько парней увела. Учитель математики в техникуме лишился из-за неё и семьи, и работы. А начальник местного РОВД уже здесь, в Москве, чуть партбилет на стол не положил. В итоге перевёлся в другой район с понижением и всё равно приползал к ней на коленях. Нет, она хорошо разбиралась в мужчинах, знала, где находится мужское сердце и мозг и умело дёргала за этот орган.

Ромка – другое дело. Она не хотела им манипулировать. Он её более чем устраивал. Как ни странно, она чувствовала себя в его присутствии спокойной и защищённой. Вроде мальчишка ещё, такой наивный временами, но чувствовалось в нём мощное мужское начало. Скажет негромко, как отрубит. И ведь оказывается прав по результату.

До встречи с ним она не представляла себя замужем. Как это можно? Похоронить себя с одним мужиком. Какой бы он ни был, а надоеет очень скоро, начнут раздражать его носки, его привычки. Сколько раз у неё такое бывало. А сейчас ловила себя на мысли, как здорово было бы расписаться. Нет, просто так, по приколу. Понарошку. Им официально дали бы отдельную комнату. Вон, как Юлдашевым.

Он, конечно, не очень практичный, чересчур добрый. Не буду, говорит, старух обвешивать – запаadlo это. Ну и ладно, она сама их жизнь упакует. У неё уже пять тысяч на сберкнижке, а она только три года работает. Опять же в очереди на комнату продвинется – семейным привилегия, если оба в торге работают. Он в армии отслужит, там в партию вступит, как Валерка. На гражданке торгашей не больно-то принимают, ненадёжный они народ. Глядишь, и по партийной линии двинется. Там обвешивать не надо, главное – головой и языком работать, а голова у него светлая, недаром в МГУ поступил.

Она так думала и сама понимала, что это несбыточные мечты. Какой загс? Ему семнадцать только стукнуло. Да и она – ненадёжное звено. Вызывало большие сомнения, что будет два года его из армии ждать. Это нереально. Там же зарастёт всё. Ну ладно, уж и помечтать нельзя.

– Что, Люся? О чём задумалась? Не ешь ничего. Я что, невкусно мясо потушила? – это Лайма, как всегда чётко выговаривая слова, вернула её к действительности.

– Нет, что ты, Лаймочка, очень вкусно! Устала просто. Полтора часа смену сдавала. Касса не сходилась. Пока не нашли тридцать рублей. Лариска выбила на другой отдел, а я не заметила. Может, ошиблась, а может, и специально. Она же Ивановне в рот смотрит. Не удивлюсь, если та до сих пор не успокоилась – всё в карман залезть хочет, – сказала и пожалела. Не стоит с Лаймой откровенничать. Хотя в чём-чём, а в трепливости та замечена не была. Распространять сплетни считала ниже своего достоинства.

– Люсь, а ты как верхушку снимаешь без кассира? У тебя же Лариска не в доле, – это Ирка, простая душа.

– Да очень просто. Через блатных покупателей. Я им колбаску хорошую оставляю, сырок. А они наличными мимо кассы расплачиваются, – снисходительно, как маленькой, растолковала подруге. Та хоть и работала дольше их всех, но была не очень сообразительной и часто удивляла своей неосведомлённостью о простейших вещах.

Девчонки сегодня ужинали одни. Ромка был на учёбе. А Валерка впервые вышел на новую работу – ночным сторожем в детский садик напротив. Работа непыльная, через ночь. И Лайма вздохнула свободнее. А то уж хотела комнату менять. Они тут устроили ей ночь в алмазах недавно.

* * *

К Олегу приехала девушка из дома, и он упросил Ромку уступить ему комнату на ночь – для торжественной дефлорации. Повод веский – не поспоришь. И ребята остались у них

вдвоём. Выпили изрядно. Ну и занялись любовью, как обычно. Ирка – та кончала тихонько, как мышка. А Люська так не могла. Жилистый и неутомимый, как зверь, Ромка доводил её буквально до кипения. Вот она в беспамятстве и кричала, будто её режут. Кричала так, что соседи в стенку начали стучать, а Лайма, выпив чуть больше, спала и ничего не слышала. Но это до поры до времени. Он начал зажимать ей рот ладонью, а она возьми и прокуси ему руку. Тут уж он взвился, вскочил с кровати и заплясал по комнате от боли, зажимая прокушенную руку и размазывая кровь по телу. Трусов, понятно, не надевал, не до них было. Люська же освобождённым ртом издала заключительный особо смачный вопль, который наконец выдернул Лайму из глубокого сна, где её, возможно, мучили кошмары. И она, спросонья ничего не понимая, на автомате включила ночник.

В свете этого самого ночника – довольно яркого, кстати – ей предстала картина не для слабонервных. Посреди комнаты в боевом дикарском танце скачет окровавленный голый мужик с торчащим болтом наперевес, которым он, видимо, только что убил Людмилу. Тут уж Лайма, несмотря на нордический характер, завопила так, что соседки за стенкой окончатительно проснулись и решили спастись бегством. В том, что в пятьдесят восьмой случилось что-то ужасное, никто уже не сомневался.

Лайма почему-то вспомнила эту историю сейчас. Она была очень зла тогда. Казалось, что это уже чересчур, что нельзя оставлять произошедшее без последствий. Но когда она на следующий день в обеденный перерыв рассказала о случившемся в кругу якобы подружек в своём магазине, рассчитывая на сочувствие и совет, как поступить, чтобы приструнить распоясавшихся соседок, то ответом ей был дружный громогласный хохот. Девчонки хохотали и не могли остановиться, прерываясь лишь для того, чтобы задать очередной издевательский вопрос типа танцевал ли он рок-н-ролл и какого размера при этом было его достоинство. После этого она окончатительно решила, что у неё нет и не может быть подружек в Москве. Всё-таки эти русские – варвары. В культурном обществе такие ситуации немислимы, а уж подобная реакция на них – тем более. Культурным обществом она считала латышское.

В который раз она пожалела о своём решении покорить столицу империи. Конечно, оставаться в родном городке не имело смысла, но нужно было остановиться на столице социалистической Латвии – Риге. Там было бы уютно, привычно и культурно. Нет же, решила сорвать джек-пот – выйти замуж за дипломата, а они водились только в Москве. Оказалось, что и в Москве они водятся в очень малых количествах и прячутся в каких-то потаённых местах. Во всяком случае, она за два года не встретила ни одного. Не ходили они в её магазин, хоть он и находился в самом центре столицы – на Октябрьской площади. А может, и ходили, но на лбу ведь нет клейма «атташе». Тем больше поразил её рассказ Романа, что на его факультете в МГУ тоже готовят специалистов-международников и есть даже кафедра зарубежной политэкономии, на которую он планирует перевестись. Он обмолвился об этом невзначай, за столом, но её отношение к нему после этого сильно изменилось. Сначала она восприняла его как милого мальчика, почти ребёнка. В ней даже шевельнулось какое-то покровительственное чувство вроде материнского инстинкта, хотя она была всего на два года старше. Тем больше её покорило то, что эта потаскуха Людка использовала его как сексуальный объект. Однако после его неосторожных слов о вполне реальных планах вхождения в волшебный мир международных отношений она взглянула на него другими глазами.

Нет, она и раньше отмечала, что он весьма привлекателен, но уровень его амбиций, спокойная уверенность в своих силах, внутренняя целеустремлённость открылись вдруг, словно прятались раньше от любопытных взоров. А после той ночной сцены к этому добавилось ещё одно совершенно неожиданное чувство. Он оказался ещё и очень сексуально привлекателен. У неё не было мужчины больше полугода. И теперь, вспоминая его ладную обнажённую фигуру в мерцающем свете ночника, она испытывала совершенно неподдельное желание. Это было удивительно для неё самой. Прежде она была очень внутренне сдержанна, даже холодна, все-

гда долго возбуждалась. Её первый и единственный парень добивался её три года, пока она не уступила его настойчивости. После чего быстро уехала в Москву, и с тех пор они виделись урывками всё реже и реже. В своих матримониальных планах сексу она отводила далеко не первое место. И вот надо же. Теперь, засыпая, она представляла его загорелое мускулистое тело, этот внушительный орган, так напугавший её тогда, и внутри разливалась непривычная, неведомая раньше истома, постепенно сходящаяся в одной точке внизу живота и оттуда вновь толчками выплёскиваемая в промежность и дальше – в те две половинки, что так волнуют мужчин.

В общем, случилось невозможное – она влюбилась. Впервые в жизни. И если раньше она презирала и недолюбливала Людмилу, то теперь она её ненавидела.

Впрочем, внешне ничего не изменилось. Она по-прежнему оставалась высокомерно-равноудалённой со всеми. Включая и его. И если бы кто-то спросил Ромку, как, по его мнению, к нему относится Лайма, он не задумываясь сказал бы: как к стулу. А что взять со Снежной Королевы? При этом сам он относился к ней иначе. Она ему нравилась. Но не как женщина, а как красивая недоступная вещь. Было приятно смотреть на её лицо, высокий лоб, капризно изогнутые брови, холодные кристально чистые глаза. Была в ней какая-то загадка. Тайна. Представить отношения с ней, тем более представить её в постели, он просто не мог. Как можно представить отношения с Полярной звездой?

* * *

Разговор не клеился. И тут Ирка предложила:

– Девочки, а давайте выпьем. По чуть-чуть.

Это было неожиданно. Но Людмила мгновенно оживилась:

– Точно, а то я не засну после этой нервотрёпки. Никак не расслаблюсь. А у нас есть что-нибудь?

Лайме утром надо было на работу. И она сама удивилась, услышав собственный голос:

– У меня есть рижский бальзам. Ко дню рождения берегла. Но чёрт с ним, с днём рождения!

Выражение «чёрт с ним» она произнесла так правильно и в то же время с таким очаровательным акцентом, что Люся почувствовала к ней почти нежность – вот выглядит холодной, а на самом деле душевная девчонка. Хорошо, что они вместе живут.

Лайма слезила под кровать и достала из чемодана глиняную бутылку знаменитого и дефицитнейшего бальзама. О том, что сорокапятиградусный напиток надо лишь добавлять в чай или ещё куда-нибудь, девчонки не догадывались и потому дружно хлобыстнули по рюмке. В голове зашумело. – Вкуснотища, – простодушно заявила Ирка, запивая бальзам водой.

Выпили по второй. При этом Лайма негромко заметила:

– У нас, когда чокаются, нужно смотреть в глаза, – и взглянула Людмиле прямо в глаза. Та не отвела взгляд. Так они и пили, глядя друг на друга. И не было в этом взгляде ни вражды, ни неприязни. Но в это мгновение они поняли друг друга.

– Не отдам, – беззвучно сказала одна.

– Он сам решит, – отвечала другая.

Ничего не заметившая Ирка вдруг брякнула:

– Лаймочка, а ты за кого хотела бы замуж выйти?

– За дипломата. И уехать отсюда на хрен. Чтобы ни очередей, ни дефицита. В магазинах всё есть. И на улицах – одни иномарки! – получилось искренне и зло.

– Ага! И на каком языке ты в тех магазинах разговаривать будешь? – от Людмилиного расположения не осталось и следа.

– Ой, девочки, не ссорьтесь! Людочка, а ты за кого бы пошла? – примиряюще, но тем не менее продолжила острую тему Ирина.

– Сначала ты! – парировала подруга.

– А я хочу выйти за голубоглазого брюнета. И чтобы высокий был! – мечтательно протянула маленькая и округлая Иришка.

Девчонки дружно прыснули – Валерка был приземистый, плотно сбитый, слегка кривоногий шатен, с глазами непонятного цвета, но явно не голубыми.

– Ну что вы, девочки, уж и помечтать нельзя, – будто оправдываясь, сконфузилась Ирина.

– Ага! – Людка закусила удила. – И будет твой брюнет сто двадцать рэ в месяц приносить. Будете по съёмным углам мыкаться. А в отпуск к его маме в деревню ездить. Нет уж, семейное гнездышко надо вить не в облаках, а на крепкой шее. По мне, так пусть будет не красавец, и постарше можно. Главное, чтобы без жилищных и материальных проблем, как говорится. И всё в дом, а не с мужиками после работы. Вот тогда заживём. Машину купим. По выходным будем на пикники выезжать. Или на дачу. Должна же у москвича быть дача?

– У москвича... – протянула Ирка. – Вон Галка два года этого козла Федотова обхаживала. Помните? «Ванечка это не любит. Ванечка любит свежее. Ванечка в мятом не привык ходить». А он посидел у неё на шее два года и женился на москвичке. Извини, говорит, я тебя люблю, но у неё отдельная жилплощадь. А у самих трёшка на Профсоюзной, – она расчувствовалась, на глазах показались слёзы.

– Да я же его видела здесь, в общаге. Недели две назад. По-моему, он из её комнаты выходил, – припомнила Людмила.

– А он бегаёт к ней – москвичка-то оказалась кожа да кости, и в смысле приготовить, постирать не очень, всё на скрипочке пиликает. А эта дура принимает – я его люблю, говорит, он обещает развестись. А самой, между прочим, уже двадцать три года. Останется с носом, что будет делать?

Теперь Ирка откровенно всхлипывала. Ей самой было двадцать два, что по меркам общегития считалось серьёзным возрастом, к которому следовало уже определяться в жизни.

– Вот хрен он разведётся. Эта его скрипачка уже брюхатая. Танька рассказывала. Она к ним в магазин на Строителей за продуктами ходит. А живут они в «красных домах». Кто в своём уме из «красных домов» съедет? И куда – к родителям? Или к ней в общагу? – Лайма, как всегда, мыслила очень рационально и ошибалась редко.

– Брюхатая? – Ирка была потрясена. – Вот гад! Галка от него два аборта сделала. Он настоял – не хочу, говорит, детей рано заводить. Для них созреть нужно. Созрел, сволочь!

Повисла тишина. Женская солидарность, усиленная рижским бальзамом, сблизила девчонок. Людмила – она вообще была отходчивая, уже не гневалась на Лайму. А та, в свою очередь, тлела медленно и в моменте не испытывала неприязни. Ирка же вообще – душа нараспашку, всех любила и жалела.

«Гады они все!» – эта невысказанная мысль повисла в воздухе, испуская неосознанные вибрации, которые по нематериальным каналам передавались не только им троим, но и всей общаге, а может, и дальше – всем женщинам и девушкам района. Эта нехитрая аксиома, адресованная мужчинам, сблизает женщин всей Земли, независимо от цвета кожи и вероисповедания, будучи востребованной в моменты обиды и отчаянья, вызванные мужской грубостью и чувством превосходства. Её можно было бы начертать на знамени женского феминизма.

* * *

В тот самый момент, когда обитательницы пятьдесят восьмой комнаты нашли универсальное объединяющее начало, один из рядовых представителей мужского племени ехал в трамвае, клюя носом и не подозревая, что он гад и причина всех женских бед. «Матан» вкупе

с «линейкой» – математический анализ и линейная алгебра, если выражаться правильно, – вообще плохо входят в любого, кто не окончил физматшколу, а после двенадцатичасового рабочего дня особенно. Из сладкой дрёмы выдернул неприятный голос, скрипуче преобразованный динамиками: «Остановка – улица Лестева, следующая...» Он едва успел выскочить под морозящий сентябрьский дождик, вдвойне неприятный после уютного тепла трамвая.

Осень наступила вдруг и сразу, и его настроение изменилось вместе с погодой. Эйфория от поступления и восторг обладания своей первой женщиной как-то незаметно растворились в серости нелёгких будней, уступив место минорному настроению, как жара уступила место промозглой слякоти. Быстро выяснилось, что у него серьёзные пробелы в математике, которая занимала две трети учебного плана, а также полное расхождение целей и принципов с «родным трудовым коллективом». Совмещать работу с учёбой было очень тяжело, особенно учитывая бессонные ночи с Людмилой. А ведь ещё надо было тренироваться и выступать за сборную МГУ, что было обязательным условием перевода на дневное отделение. Его, в общем-то, и приняли на вечернее в виде исключения, в первую очередь благодаря ходатайству спортклуба МГУ и лично старшего преподавателя физкультуры факультета Николая Николаевича Шукленкова. Он вспомнил, как это было.

Высокий крепкий старик в потёртом костюме с двумя рядами орденских планок и ромбиком о высшем образовании выловил его в толпе абитуриентов, когда он, расстроенный, шёл забирать документы из приёмной комиссии. Утром на улице перед факультетом вывесили списки поступивших. Своей фамилии он там не нашёл, что было закономерно, ведь он недобрал один балл до проходного. Нашёл его старик просто, но эффективно – он стоял перед дверью приёмной комиссии и каждые десять-пятнадцать секунд громко выкрикивал: «Абитуриент Романов!», нимало не смущаясь удивлённых взглядов. Ромка, который был ещё и Романов, не сразу поверил, что разыскивают его, но на всякий случай робко отозвался, поравнявшись со стариком:

– Я – Романов, если что.

– Ух, наконец-то! – молвил необычный старик. – Полчаса надрываюсь, – потом цепко оглядел его с головы до ног и, видимо удовлетворённый, уточнил: – Романов Роман Александрович. Кандидат в мастера спорта по боксу, первый разряд по плаванию. Всё верно?

– Да. А откуда вы знаете?

– Так в личном деле прочёл. Я старший преподаватель экономического факультета по физкультуре и спорту Шукленков Николай Николаевич. Нам нужны спортсмены. Спартакиада МГУ на носу. У тебя же ещё и золотая медаль?

– Да. Но мне балла не хватило.

– Да знаю я. Сейчас пойдём к декану. Он мой друг. Тоже фронтовик. В спорте разбирается. Будем решать. Ты стой молча и только отвечай на вопросы, если будут. Понял? – и, не дожидаясь ответа, он взял Ромку за руку и буквально потащил за собой.

Они разрезали толпу, как ледокол со шлюпкой на прицепе, и наконец достигли высокой двустворчатой двери с важной табличкой, прочесть которую Ромка не успел. Дальше всё было как во сне. Старик без стука распахнул дверь, и ничего сверхъестественного не произошло – они оказались в большой приёмной, где из-за стола в панике вскочила молодая секретарша и с криком «Туда нельзя!» кинулась наперерез. Но ледокол, не отпуская шлюпку, успел проскочить приёмную наискосок и так же уверенно распахнул ещё более устрашающую дверь – дубовую и очень тяжёлую на вид.

Будучи втянут мощным водоворотом, Ромка неожиданно для себя оказался один на один перед длинным столом, покрытым благородным зелёным сукном. Шукленков в последний момент использовал хоккейный приём, уйдя с траектории движения и пропустив его вперёд. С обеих сторон стола сидели очень разные люди, которых объединяло серьёзное выражение лиц. Во главе же будто возвышалась над всеми монументальная фигура, очень благообразная и зна-

чительная – сразу видно, профессор. Это была приёмная комиссия экономического факультета в полном составе, с председателем, а именно деканом факультета, во главе.

Стремительно ворвавшийся ледокол прервал какое-то, очевидно важное, обсуждение, но, хитро выпустив на авансцену шлюпку, направил всё внимание и удивлённые взгляды на неё. На какое-то время повисла тишина. Все ждали. И Ромка с ужасом решил, что все ждут чего-то от него. Про ледокол за спиной он на мгновение забыл и судорожно пытался сообразить, зачем он здесь и что следует делать. Но тут наконец, выдержав театральную паузу, сзади раздался залп из главного калибра – скрипучий голос громко и неожиданно сварливо прокаркал:

– Вот, полюбуйтесь, мальчик из Пензы. Золотой медалист и отличный спортсмен. Не принимаем – балла, дескать, не хватило. А я специально поинтересовался – на математике все пять обязательных заданий решил, а шестое, дополнительное, начал, но не успел закончить. И в итоге четвёрка! А глядишь, уже был бы у меня в сборной! А за сочинение четвёрка – видите ли, тему не раскрыл. А ошибок-то и нету! По географии и истории – пятёрки! И что? Обратно в Пензу поедет? А кто выступать будет? Как нам с мехматом бороться, если у них шестьсот человек на курсе, а у нас двести? А на журфаке – одни мастера спорта! Как, я вас спрашиваю?

Оказалось, что старик не так-то прост, как выглядел. Он совсем не тушевался перед благородным собранием. Наоборот, некоторые члены комиссии как будто поникли под его напором.

– И что вы предлагаете, Николай Николаевич? Списки уже утверждены. Регламент мы нарушить не можем, – это сам декан.

– Виктор Никитич, давайте на вечернее возьмём. Годик поучится. Будет за факультет, да что там – за весь МГУ выступать. И если докажет своей учёбой, что достоин, мы его на дневное переведём!

Повисла неловкая пауза. Практически все места на вечернем были уже распределены. О том, что вечернее – это верный трамплин на дневное, знали только посвящённые. Посвящёнными оказывались лишь очень влиятельные люди. Вот за эти-то места и шла сейчас борьба на заседании приёмной комиссии. Николай Николаевич был большой стратег и великолепный тактик. Он знал, когда, где и как нужно появиться. Недаром исключительно его заслугой было то, что сборная экономического факультета, несмотря на его малочисленность, неизменно находилась в прилётах, а нередко и выигрывала спартакиаду МГУ, что, в свою очередь, серьёзно повышало статус факультета во внутриуниверситетской жизни.

Дело в том, что МГУ, как и любой большой организм, совершенно по-разному воспринимается со стороны и изнутри. Извне кажется, что это холодный и бездушный храм науки, призванный ковать научные кадры и обеспечивать ими народное хозяйство великой страны. А на самом деле внутри этого колосса кипят очень живые и интересные процессы. Учёба – главный, но не единственный аспект жизни большого коллектива. Клетками этого организма являются студенты и преподаватели. Но преподаватели – тоже бывшие студенты. И все они вступают между собой во всевозможные отношения – официальные и не только. Так, добрая половина членов приёмной комиссии когда-то сдавали Шукленкову зачёты. Николай Николаевич уже четверть века занимался укреплением тела и духа будущих экономистов. И, например, вот этот важный молодой доцент, второй справа, вовсе не забыл, как умолял неумолимого Шуклю зачесть ему конвульсивные извивания на перекладине как подтягивания. А вот та и сейчас красивая и подтянутая женщина-профессор имела когда-то, будучи студенткой, головокружительный роман с преподавателем физкультуры в летнем университетском лагере «Буревестник». И страстно мечтала выйти за него замуж, хоть он ей и в отцы годился. К счастью, не срослось. У него были лишь две страсти в жизни – спорт и экономический факультет. Им он отдавался без остатка, так и прожив жизнь бобылём. Зато у неё сейчас две дочки красавицы и муж – ответственный сотрудник министерства тяжёлой промышленности. Но разве можно забыть или предать юность? Тем более что старшенькая совсем не похожа на мужа.

А вот сам декан – профессор и заслуженный деятель науки РСФСР. Его перу принадлежат более двадцати книг, а его студенты стоят у руля советской экономики. Он прошёл всю войну, начиная с финской. Ордена с медалями надевает только на Девятое мая – тяжесть ужасная, весь костюм оттянули. Но он и сейчас верит, что не выжил бы тогда, в сороковом, не перенёс бы дикий мороз и белый ужас под скупым, но выверенным огнём финских кукушек, не донёс бы то, спасшее жизни многих однополчан, донесение, если бы не был чемпионом Ленинграда по лыжным гонкам. Ему очень импонирует этот смыслённый провинциальный мальчик с чистыми глазами, и он класть хотел с прибором на подготовленную секретарём выкладку с распределением мест исходя из неофициальных пожеланий высокопоставленных чиновников. У Николая Николаевича, который всю войну прошёл в пехоте и выжил, несмотря на свой высокий рост, совести больше, чем у тех чинуш, вместе взятых.

– А какой вид спорта? – пророкотал его тяжёлый бас, теперь уже обращаясь к мальчишке.

– Плавание и бокс.

– Что-то не похож ты на боксёра. Больно худенький да бледненький, – лукаво подначил декан.

Ромка растерялся и неожиданно для самого себя брякнул:

– Вот у меня нос два раза сломан, – указывая на кривой шнобель. Ему даже в голову не пришло достать лежащую в папке кандидатскую книжку.

– А-ха-ха-ха! – развеселился профессор. – За одного битого двух небитых дают.

Вслед за шефом заулыбались и члены комиссии.

– Ну, что думаете, Эльвира Георгиевна? – отсмеявшись и посерьёзнев, обратился декан к самой старшей и, видимо, самой авторитетной здесь после него женщине-профессору.

Она, величественная аристократка, похожая на Фаину Раневскую, всё это время внимательно смотрела на Романа, не улыбаясь, даже когда другие смеялись, но и без недовольства, как, например, сидящая сбоку от декана секретарь приёмной комиссии. По тому, как напрягся Шукленков, Ромка понял, что именно сейчас решается его участь.

– Ну что ж, Виктор Никитич, я думаю, нужно дать мальчику шанс. Очень не хотелось бы сломать обещающую судьбу на взлёте. Бокс и золотая медаль – довольно редкое сочетание. Не находите? – словно обращаясь ко всем в комнате, закончила она.

Тут взвилась до того молчавшая секретарь, в чьи функции входили чисто процедурные вопросы:

– Никак не можем! У него же московской прописки нет! И, Виктор Никитич... – она, привстав, наклонилась к уху шефа и что-то горячо зашептала.

Не дослушав, тот рявкнул:

– Здесь я решаю, кого брать, а не замминистра! А ты вот что – за два дня должен на работу устроиться с лимитной пропиской. Сумеешь? – так же быстро остыв, как и воспламенился, обратился он уже к Ромке.

– Конечно сумеет! – быстро ответил за него Шукленков и, снова схватив за руку, потащил прочь из комнаты так же стремительно, как до этого втащил в неё.

– Спасибо! – извернувшись уже в дверях, успел крикнуть Ромка, обращаясь как бы ко всем, но глазами встретившись с божественной женщиной. Оказалось, что её глаза умеют смеяться и быть очень тёплыми. А ещё они были совсем молодыми...

* * *

Прошёл лишь месяц – а кажется, что целая жизнь. И он уже не был так уверен, что ему всё по плечу и он горы свернёт. Учёба представляла собой совсем не то, что рисовалось в мечтах. Работа была нервной и изматывающей. О тренировках пока и речи не шло, а скоро первенство МГУ по боксу. Людмила начинала напрягать своей ненасытностью в постели, поговорить же с

ней было решительно не о чем. Она ничего не читала и ничем не интересовалась, кроме сугубо бытовых и меркантильных вещей. Он очень скучал по дому. Не хватало материнского тепла. Домашнего уюта и своей крохотной, но такой родной комнатки, где он мог спрятаться от всех жизненных невзгод.

Хлюпало под ногами, и почти хлюпало в носу. Что с ним? Не он ли заставил уважать себя самую отъявленную шпану района? Не он ли видел себя в мечтах героем романов Джека Лондона и Вадима Кожевникова? Блестящим дипломатом и бойцом невидимого фронта одновременно. Но как может его сегодняшнее положение привести к этой цели? Да и реальна ли она? Он ни с кем не делился своими мечтами, кроме Женьки – единственного друга, но тот остался в Пензе и находится в похожем положении – не поступил в Ленинградскую военно-медицинскую академию, вернулся домой и устроился работать в морг. Бр-р-р. Чтобы себя испытать. Письма идут долго. Телефона у Женьки дома нет. Он пару раз звонил ему по межгороду на работу, и один раз его даже позвали, но много ли скажешь по телефону, сквозь треск и помехи на линии. А поделиться и услышать слова поддержки и совета хочется когда плохо, а не когда и сам знаешь, что делать.

Что-то он запутался. Может, и правы были одноклассники, что остались дома и поступили кто в политех, кто в пединститут, а большинство – в техникумы, в том числе и советской торговли. Помнится, он смеялся над таким мещанским, как ему казалось, выбором. А сейчас сам торгаш. И что, приблизился он к своей мечте? Да и в чём конкретно она заключается? Тогда всё было очевидно. Поступит в МИМО на специальность «международные экономические отношения». Закончит на отлично. Поедет на ответственную работу за границу, где будет твёрдо отстаивать экономические интересы первого в мире государства рабочих и крестьян. Перехитрит алчных буржуев, зарекомендует себя. Его заметят, он будет подниматься по карьерной лестнице и дорастёт наконец до самого верха. А вот тут-то и произойдёт самое главное. Наверху, найдя единомышленников и используя власть как рычаг, они подточат систему изнутри и свергнут наконец это престарелое Политбюро, предавшее идеалы революции, и исправят все ошибки – вернут стране подлинные «свободу, равенство и братство»! А на меньшее он не согласен!

Был не согласен. А сейчас? Все вокруг имеют конкретные планы в жизни и как-то претворяют их в меру сил и способностей, а он даже поделиться своими не может – засмеют. Реальность – то, что ему за воротник капает дождь, он хочет есть и спать. А жрать у него нечего. Значит, надо идти к Людмиле. Она, конечно, покормит, но и останется у него, как пить дать. А рано утром – на работу, и опять двенадцать часов однообразной рутины, действительно, за какие-то несерьёзные сорок рублей в месяц, на которые не то что прожить, пропитаться невозможно. А Олег чуть ли не каждый день по столько зарабатывает и имеет совершенно чёткую и реальную установку в жизни, которая вызывает восхищение у той же Людмилы, да у всех вокруг. И он постоянно зовёт его с собой, говорит, что в этом нет ничего сложного, он всё покажет и расскажет, и Ромка сможет точно так же зарабатывать в те выходные между сменами, которые сейчас он проводит в читалке, конспектируя труды классиков или ломая голову над дифференциалами, что никак не приближает его к мечте и вряд ли вообще пригодится в реальной жизни.

Сначала его потрясли рассказы Олега про то, чем он занимается. Ромка был бесконечно далёк от этой сферы человеческих отношений. Ему казалось, что деятельность Олега, очевидно, незаконна и постыдна, хотя он не мог объяснить, чем именно. Деньги вообще представлялись ему рудиментом капиталистической эпохи, которые должны постепенно исчезнуть, по мере продвижения по пути строительства общества развитого социализма. Да и Маркс об этом пишет со всей определённойностью. Он на зубок знал все функции денег! И в теоретическом споре неизменно клал Олега на лопатки. Но тот лишь посмеивался и продолжал гнуть свою линию, что на самом деле деньги в этом мире решают всё. Свои аргументы «против» Ромка

додумывал, уже взбегая по лестнице на пятый этаж, с удивлением отметив, что у него появилась одышка. Да, он далеко не в лучшей своей спортивной форме.

* * *

Олег был дома. Он лежал на кровати в обуви, закинув ноги на металлическую спинку, и радостно приветствовал друга:

– Привет! Опять грыз гранит науки?

Ромка тоже был рад его видеть – всё-таки Олег был самым близким для него человеком в Москве. Хоть они и расходились во взглядах на жизнь, но при этом Олег был мягким и душевным товарищем, немного суетливым, но открытым и искренним. Несмотря на большую цепкость в жизни, он внутренне признавал негласное лидерство Романа в их тандеме. На самом деле это удивительное качество чувствовали все окружающие. Не только девчонки, но даже взрослые мясники на работе относились к Ромке с непонятным для них самих уважением. Будучи вдвое моложе, он как-то естественно устанавливал дистанцию в отношениях. Первоначальные попытки посылать его за водкой и другие проявления «дедовщины» наталкивались на вежливый, но твёрдый отказ, что не вызвало желаний их повторять. При этом он выполнял всю, в том числе и грязную работу, которая обычно достаётся новичкам: убирался в подсобке, мыл «тупички» – большие тяжёлые топоры для разрубки туш и многочисленные ножи. Но делал это с неуправляемым чувством собственного достоинства, как бы подчёркивая, что сам считает это необходимым и правильным, а не потому что его заставили.

– Привет! У нас есть что-нибудь пожарть?

– А чё, ты не хочешь к девчонкам сходить? Они там наготовили и сидят киряют. Я заглядывал, но они не позвали. Но тебя-то Людка накормит. Прикинь, рижский бальзам пьют. Пятнашку на чёрном рынке стоит!

– Слушай, не хочу. Она же потом «на хвоста сядет». А я спать хочу «как из ружья», и утром на работу. Она-то смену сдала.

– Во даёшь! Если бы мне Люсьен дала, я бы и про работу, и про всё на свете забыл! Такие сиськи!

– Выражайся поаккуратнее. Короче, хавчик есть?

Олег молча полез под кровать и достал банку болгарских консервов «Голубцы в томатном соусе».

– Хлеба нет. Хочешь, сгоняю в сорок шестую?

– Нет. Спасибо. Отлично! А ты сам-то ел?

– Я в ресторане «Спорт» поужинал. Как человек. И на такси домой приехал!

Это по-детски наивное хвастовство развеселило Романа:

– Человек! Ну да, куда уж нам, простым смертным, до тебя? Люди – только те, кто в ресторане расслаживается и на такси разъезжает. То есть буржуи. А ты читал «Повесть о настоящем человеке» Полевого?

– Конечно! Её же по литературе проходили. Только я не помню, про что там.

– Ну ты даёшь! Я её семь раз перечитывал! Это повесть об Алексее Мересьеве – лётчике, которого сбили над вражеской территорией, и он восемнадцать дней с отмороженными ногами до линии фронта полз. А потом без ног воевал на истребителе и сбил пять фашистских самолётов. Там, когда он сомневался, что научится летать на протезах, ему комиссар сказал: «Но ты же советский человек!»

Повисла тишина. Ромка ножом открыл консервную банку и ел оттуда, не разогревая, – лень было сгонять на кухню. Зря, конечно. Холодные голубцы были отвратительными на вкус, но голод утоляли. Олег молча смотрел в окно. Видно было, что его задела последние слова товарища. Наконец он повернулся:

– Ты не думай, что я не понимаю. Но тогда война была. У меня тоже оба деда воевали. А сейчас какой смысл подвиги совершать? Чего плохого в том, что я деньги зарабатываю? Я же не ворую. Мне все добровольно платят. Ещё и спасибо говорят. В магазинах же нет ничего. Кто в этом виноват, что люди на свои деньги ничего купить не могут? Они же со всей страны едут в Москву, чтобы купить продукты и шмотки. Но здесь тоже не на каждом углу всё лежит, места знать надо! Я кручусь целый день, чтобы найти, в очередях парюсь. Там знаешь нервотрёпка какая. Все орут, лезут. А я потом тихо, культурно людям продаю. С божеской наценкой. На рынке знаешь насколько дороже? Так что все довольны. Они экономят время и деньги, а я зарабатываю помаленьку. Своим трудом. И все вокруг, между прочим, считают, что это круто!

Он говорил, сам до конца не веря своим словам. Называлось это спекуляцией, и было в ней что-то гнилое, недостойное. А в уголовном кодексе имелась статья с аналогичным названием под номером сто пятьдесят четыре, и предусматривала она до двух лет лишения свободы. А в особо крупных размерах – до семи.

Ромка не спешил отвечать, он думал. Казалось, он приведёт сейчас массу аргументов, подкреплённых цитатами из классиков и примерами из жизни. Убедительно докажет Олегу его неправоту. Это же очевидно. Вот, например... Нет, не годится. Или... А это сплошная теория.

Олег по-своему истолковал Ромкино молчание:

– Да ты не думай, что для меня деньги важнее всего на свете. Просто не хочу, как мой батя, всю жизнь на вредном производстве вкалывать. Ему орден «Знак Почёта» вручили, а через полгода инвалидность оформили.

– Твоего отца люди уважают. Он честно живёт и работает.

– Уважение на хлеб не намажешь. И, честно работая, он ни хрена не заработал. На машину уже лет десять копит. А сосед слесарем в автосервис устроился по блату – и уже на новенькой «шестёрке» катается. Не на зарплату же купил. И все ему завидуют и уважают. И мой батя в том числе: дурак, говорит, я, что на металлургический пошёл, надо было в таксисты. Просто в жизни надо уметь крутиться, а большинство думает, что всё само в руки свалится... Ой, извини, это я не про тебя.

Ромка не обиделся. Была в словах Олега сермяжная правда. Она очень расходилась с тем, как его воспитывали мама и школа, с тем, что вдалбливалось на комсомольских собраниях и писалось в книгах. Но у него не находилось убедительных аргументов против. А те, что были, почему-то выглядели смешными и несерьёзными сейчас. Детскими – нашёл он подходящее слово. И мечта его тоже была детской. Недаром он не мог поделиться ею с Олегом, хотя и доверял ему. Он понял, что его останавливало, – не то, что Олег предаст его или заложит. Нет, он просто не поймёт и рассмеётся. Как не понимает сейчас его пафоса про честную жизнь. В последней попытке отстоять свою позицию, которая вообще-то была официальной в стране побеждающего социализма, Ромка заявил:

– Это частный случай, зато из стали, которую твой отец льёт, наша страна столько всего производит! В том числе и космические корабли, которые к звёздам полетят! И твой отец ещё гордиться будет, что это случится благодаря и его труду. А что твой слесарь со своими «жигулями» в жизни полезного сделал? Как он человечество вперёд двинул? Ведь не для того же мы рождены, чтобы вкусно есть и на машинах кататься?

Но у Олега и здесь ответ нашёлся:

– Рессоры для КамАЗов из этой стали делают, а не космические корабли. Которые ломаются через полгода, потому что смежники присадки вовремя не поставляют, а план гнать надо. Иначе вообще зарплаты не будет. А машины тоже ремонтировать надо. Каждый на своём месте нужен. Пусть космонавты к звёздам летают. У них, между прочим, знаешь какие зарплаты? И по «Волге» за полёт получают. Так что тоже не за просто так они прогресс двигают. И почему обязательно для всего человечества надо с голой жопой стараться?

Ромка не нашёлся что ответить. Ответ существовал. Но почему-то не шёл на ум именно сейчас, когда был так необходим.

– Ладно, давай спать.

* * *

Разделись, потушили свет. Олег вскоре задышал ровно – уснул. Ромка ворочался, хотя, казалось, донесёт голову до подушки и вырубится. Он мысленно продолжал спор с другом. В словах Олега многое было бесспорным – в стране действительно катастрофически не хватало предметов даже первой необходимости, не говоря уже об импортных товарах, которые были на порядок качественнее. И то, что окружающие, практически все, с кем приходилось общаться, разделяли взгляды Олега на жизнь, тоже было правдой.

О причинах и последствиях тотального дефицита он сейчас не хотел думать – это был лишь один из моментов, подтверждающих, что страна больна и ситуацию надо исправлять!

Вопросы вызывал второй факт. Почему люди в массе своей были столь двуличны? В официальной жизни говорили одно, дружно голосовали «за», а думали и жили иначе. Где же правда? В газетах или в жизни? Газеты, конечно, сильно приукрашивают окружающую действительность, но нельзя же сомневаться в главном – в том, что революция освободила трудящихся, принесла народу подлинную свободу, что социалистический строй самый передовой в мире. В том, что освобождённый пролетариат, будучи сам хозяином средств производства, очевидно эффективнее подневольных работников. Стоп! Или не очевидно? Почему же тогда продукты труда тех самых угнетённых масс настолько качественнее и востребованнее наших «свободно» произведённых? Можно, конечно, ответить, что «кто-то кое-где у нас порой», как в газетах частенько пишут. А может, это не исключения? Может, это системный сбой? А свобода? Почему эти вопросы поднимаются только между собой «на кухне», а не на комсомольском собрании? Чёрт! Голова кругом, и теперь не до сна.

Начнём сначала – мещанские настроения, пьянство и лицемерие окружающих. То, от чего он бежал из Пензы. Казалось, в Москве нравственность и идеалы будут на высоте. Недаром там и правительство, и Центральный комитет партии заседают. Да вообще все идеологические установки спускаются из Москвы. Уж там-то он найдёт единомышленников, для которых чистота принципов и заветы старых большевиков – не пустой звук. Но всё оказалось иначе. Надо, конечно, понимать, что он находится в специфическом окружении – в торговой среде. А это совсем не одно и то же, что пролетариат – передовой класс, как учит марксизм-ленинизм. Но на заводе, где они последние два года школы проходили производственную практику, всё было ещё хуже. Настоящий пролетариат пил. И пил крепко! И массово гнал откровенный брак. Они, школьники, работали гораздо лучше, хотя имели самую низкую квалификацию. Он тогда думал, что так только в Пензе, однако сейчас уже сильно в этом сомневается. Его посещение общаги Варшавской овощебазы было достаточно красноречивым.

Так на ком и на чём тогда держится весь социалистический строй? Учёные, интеллигенция? Партийцы? Куратор курса, когда узнал, что его студент работает в торговле, завалил заказами – кофе, индийский чай, сырокопчёная колбаса и дальше по списку. Спасибо, Людмила выручала. При этом куратор, который, на минуточку, был членом парткома факультета, прямо ему обещал содействие в переводе на дневное, а потом и на «зарубежку», убедительно объяснив, что спортивных успехов для этого явно недостаточно, а содействие Шукленкова – слабый козырь. «Тут знаешь сколько подписей потребуется? В том числе в ректорате. А характеристики? Моя, например, в первую очередь. Думаешь, декан бросится за тебя на амбразуру? И не мечтай, он тот ещё политик. Иначе не просидел бы в этом кресле столько лет. Один раз расчувствовался – помог, и хватит. Да ты не трусь, всё реально. На самом деле блатные тебе не конкуренты – они же на халяву все норовят проскочить. Но тут, сам понимаешь, продук-

тами не отделаешься. У тебя родители кем работают? А, только мама-инженер... Ну тогда сам давай! Обрастай связями в своей торговле. Мясник – профессия денежная. Главное, запомни – не боги горшки обжигают».

Меркантильность, заикленность на материальных благах были очень свойственны всем, кто окружал его в Москве. Не исключением являлись и коммунисты, и руководители. А дома что, не так? Отношения «ты мне – я тебе» пронизали всё общество. Просто он в силу возраста и положения школьника многое не замечал. Сейчас же видит это другими глазами. Вон Букин был самым тупым в классе. В аттестате одни тройки. Однако в пединститут поступил – оказывается, у него мать в гороно работает. Какой из него учитель получится? А Хмурый с Бильманом кого-то на гоп-стоп взяли. И Бильман на семь лет уехал. А Хмурый два условно получил: папа – майор милиции. Смешно, да? Совсем не смешно. Бильмана жалко. Дурак, конечно, всю жизнь загубил – семь лет на одной ноге не отстоишь. А талантливый парень был. В плане спорта. Когда-то они вместе занимались боксом, даже в одной паре стояли. И Бильман поначалу частенько ему навешивал. Но потом связался с гоп-компанией. Спорт бросил. Выпивать начал. А по пьяни – дурак-дураком. И всё равно Ромка уверен, что не он был инициатором грабежа, и уж точно нож был не у него – у Бильмана колотушка размером с пивную кружку, зачем ему нож?

Тут в дверь кто-то тихонько даже не постучал, а поцарапался. «Люся», – подумал он испуганно и затаился, дыша ровно и размеренно – как будто снаружи можно было услышать. Дверь тихонько открылась, она бесшумно вошла, в темноте нашла кровать и легла, навалилась сверху, придавив его почему-то очень тяжёлым телом. Ему стало трудно дышать. Он решил выбраться из-под неё, но оказалось, что это не она, а толстая тётка – директриса магазина... Впрочем, это был уже сон – дурацкий и тяжёлый.

* * *

Ленка привычно обежала глазами этаж. Всё было спокойно. «Ага, сейчас как выбросят кроссовки, все словно с ума сойдут – начнут ломиться и орать, будто их режут». Она не любила покупателей. Неблагодарные создания. Только и могут, что кланчить дефицит и жалобы строить. А ты целыми днями тут на ногах, не присесть. А дефицит неизвестно привезут или нет. А как привезли – сразу в продажу. Не дай бог припрятать, если проверяющие найдут – в лучшем случае увольнение по статье.

Универмаг «Москва» – большой, известный в городе. Здесь всегда многолюдно. И администратору не продохнуть. Платят же копейки. Но умудряется как-то крутиться и толкать кое-что своим проверенным покупателям. Иначе как прокормить двух спиногрызов. Точнее, трёх. Муж пропивал больше, чем приносил. При мысли о детях, как всегда, возникло двойственное чувство – теплота и тревога. Как они там? У неё два пацана, погодки – три с половиной и два годика. Старший в садике, младший в яслях. Каждый раз плачут, когда она, оставляя их там, убегает на работу. Уж привыкали бы скорее, а то сердце разрывается видеть их заплаканные мордашки.

Зато как переполняет её гордость и любовь, когда гуляет с ними в выходные во дворе или в парке: чистенькие, во всём новом, ладные мальчишки – хоть на открытку снимай. Этот же вечно с дружками где-то отирается. Да известно где – возле магазина! Где же ещё? Нет чтобы с мальчишками позанимался! Они же пацаны – им мужское воспитание нужно. Все эти стрелялки-пистолеты. Да и ей время необходимо – убираться, постирать, приготовить. Хоть чем-нибудь помог бы. Нет же, вечно пьяный. И слова не скажи, не то руки распускать повадился. Об этом ли она мечтала, выходя замуж за красивого плечистого парня – взрослого, после армии, самостоятельного. А про интимную жизнь – забыла, когда последний раз было! А ведь ей всего двадцать пять!

– Привет, Олег! Нет, не знаю. Что? Машину разгружают? Ну так ты лучше меня осведомлён. Хорошо! Конечно! – Ленка сделала вид, что занята, и пошла в подсобку.

«Ага, так я тебе и сказала! Ишь приткий какой! На чужом горбу в рай въехать захотел!» Зайдя в крохотный закуток, она немного успокоилась, раздражение прошло. «А с другой стороны, чего ты так окрысилась? Парнишка вроде неплохой, шустрый. Да и примелькался уже. Это ты из-за своего на всех мужиков злая. Может, приблизить его – подбросить того-сего с небольшой наценкой? Глядишь, ещё один постоянный клиент появится». Она уже подумывала об этом. Парень явно набивался. Но здравая на первый взгляд мысль снова вывела её из равновесия. А к внутреннему голосу надо прислушиваться. Когда всё время на передовой, чувство опасности и самосохранения развивается необычайно. «И всё-таки нет! Суетной он больно, тараторка. Менты возьмут за жопу – в момент расколется. Да ладно, если свои – только на бабки попаду, а если залётные, а если месячник борьбы со спекуляцией? С её послужным списком можно уехать надолго. И Сергей Иванович не поможет». При воспоминании о кураторе настроение испортилось окончательно. Стало остро жаль себя и особенно детей. Себя в моменте, а детей авансом, так сказать. Что с ними будет, если её посадят, не хотелось даже думать. Она давно бы бросила эту работу, но старые грехи не отпускали. Она себе уже не принадлежала. Дефицит, как воронка, засасывал всех, кто оказывался слишком близко.

* * *

– Слышь, Марковна, я долго ещё буду с этим сопляком нянчиться?

Крупный Степан едва помещался в малюсеньком кабинете директора одиннадцатого магазина. Они вместе работали не один год и доверяли друг другу. Хотя в торговле доверие – понятие относительное. Если одного возьмут на горячем, к бабке не ходи, сдаст всю цепочку, коль менты этого захотят. Другое дело, что менты редко этого хотели, – кто ж рубит куст, с которого питается. Отломил веточку, сделал ритуальное жертвоприношение, получил «палку» по торгашам – и молодец. Но систему не тронь, а то и начальство по головке не погладит – кормятся-то все.

Марковна, тётка необъятных размеров, страдала одышкой даже сидя за столом, который на её фоне выглядел партой первоклашек.

– Стёп, через месяц у всех учеников теория начинается, им в двадцать восьмом будут лекции читать. Потом аттестация. А обратно я его не возьму – напишу отрицательную характеристику. Ты, кстати, тоже подпишешь – как продавец-инструктор. Так что месяц надо потерпеть.

– Не хрена себе – месяц потерпеть! А бабки за этот месяц кто заработает? Пушкин? Я и так уже месяц на подсосе. Тебе, кстати, тоже не отстегну – не с чего!

– Ну что, совсем, что ли, ничего не заработал? Не гони...

– А как? Я рублю, он же не умеет. Один раз доверил, так всю тушу искромсал – еле продали. А он «на поляне», торгует. И всё тютелька в тютельку взвешивает, гадёныш. Уж сколько раз добром разговаривал. Всё объяснял, показывал. Как весы «заряжать», как бумагу «наворачивать». Слушает, молчит, а смену сдаём – хрен да копейки. Один раз чуть по сусалам не съездил, до того довёл – так в стойку вскочил, кулачками трясёт, боксёр хренов. Теперь чуть что – огрызается.

– Не приведи господи, прибьёшь ещё! А он же несовершеннолетний. Ну ладно, с ним понятно. Но на блатных же имеешь? Имеешь! Я в окошко вижу, как к тебе с чёрного хода нырк да нырк. На пересортице девяносто рэ с тонны делаешь? Делаешь! За этот месяц ты десять тонн продал. Где моя доля?

– Да ладно, успокойся. Будет твоя доля. Но я имел в виду, что она будет меньше, чем обычно. С «поляны» же у нас – ноль. Кстати, его дружок – Олег зовут – в девятый магазин

на Шаболовке тоже учеником устроился две недели назад. Так я поговорил с Пашей – тот не нарадуется. Я, говорит, ему всё рассказал-показал, так он по двадцать копеек с рыла снимает. Колбасит только в путь – за смену по столынику зашибает! Нам бы такого ученика!

– Бог даст, всё будет! Ты давай, бабки неси. И не расслабляйся, – подвела она итог и совсем не по партийному перекрестилась.

* * *

Его достали. Все вокруг считали его белой вороной и неудачником. Это очень тяжело в семнадцать, когда самоутверждение на фоне зашкаливающих гормонов является превалирующей идеей фикс. Переломным моментом явилась, как ни странно, прогулка с Шукленковым.

Накануне состоялся финал первенства МГУ по боксу. Он выиграл «в одну калитку». Более того, все бои закончил досрочно. В Пензе, на первенстве области, чемпионом которой он являлся, это была бы разминка. А он ещё считал себя «не в форме». И это при том, что перешёл в следующую весовую категорию – Людка откормила. На самом деле жира не прибавилось ни грамма – он просто «налился» мышцами. Это работал возраст, когда кости начали обрастать мясом. Сам удивлялся – вроде бьёт как обычно, а соперник падает, словно тряпичная кукла.

Теперь предстояло первенство Москвы среди студентов, и Шукленков предложил прогуляться после занятий, то есть уже ночью, в одиннадцатом часу. Они неспешно прохаживались вокруг главного здания МГУ и говорили обо всём на свете, кроме соревнований. Николай Николаевич рассказывал про войну. Как было страшно вначале и как сознание притуплялось потом. Когда ежедневно кого-то убивают рядом с тобой, перестаёшь бояться – смерть становится нормой. Обыденностью. Как сходить за хлебом. Вот разговариваешь с ровесником, как мы с тобой сейчас, он планами делится, мечтами, рассказывает, что его девушка ждёт. Красивая. И вдруг – раз! – бомбёжка, вы вместе выпрыгнули из вагона, упали на землю, вокруг земля дыбом, мыслей нет – лишь бы не обделаться. Ага, пронесло, встаёшь, в ушах вата, а он не двигается. Тормозишь его за плечо, трясешь – всё без толку, переворачиваешь, а из виска тоненькой струйкой чёрное сочится...

На войне героев мало, говорил Шукля. Е...нутых на фронте не любят – из-за них одни неприятности. Война – это работа. И каждый делает своё дело. На совесть, по максимуму. А в результате – кому орден, а кого закопали. И нет в этом особой закономерности. Точнее, не улавливает её человек. А обычно: остался жив – и хорошо. То есть нормально. Жить – это же привычно. А награды дают потом. Как правило, неожиданно. И в основном тем, кто выжил.

Глаза старика затуманились. Он забыл про собеседника. Он жил. Жил там – в своей молодости. Потом неожиданно перешёл на детство. Его мать была эсеркой. Из богатой семьи. И убежала с революционером, оставив маленького Колю деду с бабкой. Воспитывали его няньки, которые всё время менялись. И одна его совратила, если можно так сказать про мальчика. Во всяком случае, он об этом не жалел. На память она порвала ему уздечку на члене. Случайно. Просто таким ранним он оказался, а она, видимо, чересчур страстной и неопытной. С тех пор он полуобрезанный. Но ничего – студентки не жалуются. Он сказал это в настоящем времени, чем очень удивил Ромку. Ему казалось, что в таком возрасте эта функция естественным образом отмирает.

Они гуляли уже долго. Было за полночь. И тут им повстречался ещё один старик. Высокий, благообразный. Старикам не спится по ночам. Шукленков тепло поздоровался, представил Ромку. В ответ, после старомодного полупоклона, прозвучало: «Цаголов. Академик Цаголов».

Лишь несколько часов назад Ромка присутствовал на лекции по политэкономии социализма. В большой поточной аудитории находилось несколько десятков человек. И лектор, умный, заслуженный человек, читал им конспект из большого зелёного двухтомника, в кото-

ром и заключалась вся считавшаяся фундаментальной, но сравнительно молодая – не больше полувека – наука. Так вот стоявший перед ним наяву, такой земной и в то же время уже недостижимый, принадлежащий истории, академик Цаголов и написал, то есть сочинил эту науку. То есть политэкономия капитализма придумал Маркс – с помощью Энгельса и Ленина, конечно. А политэкономия социализма – Цаголов. И два зелёных «кирпича», из которых Ромка одолел пока не больше тридцати страниц, принадлежали его перу. Дальше они шли вместе. Академик жил в малом крыле главного здания МГУ, смотрящем на центр Москвы и родной факультет одновременно, и, как выяснилось, гулял по ночам. В перерывах между правками «живой» науки. Впереди смутно темнела смотровая площадка, а промозглый ветер забирался под воротник и в рукава ставшей короткой демисезонной курточки. Но великие старики не замечали непогоды, предаваясь воспоминаниям. Оказывается, они частенько гуляли здесь по ночам. Шукленков не предупредил Ромку, сделав ему неожиданный сюрприз. Сколько ещё было их в коллекции скромного преподавателя физкультуры?

Академик рассказывал. И тоже не про науку. Он рассказывал, как в 1914-м в Одессе играл в футбол против пажеского корпуса. В его словах не было и намёка на классовую ненависть. В них было лишь сожаление об ушедшем времени. Ромка решился и спросил, а как сейчас обстоят дела с состоянием советской экономики. Старики переглянулись, академик улыбнулся и ничего не ответил. Шукленков же ответил грубо, но точно: «Просрали!» Академик не возражал. Наконец, они вернулись к главному зданию. Небожитель, как и положено, отправился на небеса, то есть к себе домой – прямо в здание со звездой на шпиле. Шукленков же почему-то завернул на факультет, хотя было уже за полночь, и позвал Ромку с собой. Их пропустили. Там они поднялись в профком, и старик открыл кабинет своим ключом. После чего составил стулья в ряд вдоль обеих стен, застелил газетками, достав их из стола, и улёгся, не раздеваясь, предложив Роману последовать его примеру.

Уже разомлев в тепле, он всё-таки задал мучивший его вопрос:

– Николай Николаевич, а почему столько лжи и фальши в нашем обществе? Почему люди в реальной жизни не руководствуются принципами марксизма-ленинизма? И при этом никто не озвучивает эту проблему вслух, хоть она и очевидна?

Старик заворочался на своих стульях и глухо ответил:

– Большевики обманули крестьян. Они не отдали им землю, как обещали. А крестьяне – соль земли русской. Обманув свой народ, не жди чего-то путного.

Ответ был шокирующим. Коммунист, фронтовик, орденосец оказался не преданным ленинцем, а чёрт знает кем. Но сомневаться в порядочности и высочайших моральных принципах Шукленкова не приходилось. Он жил бессребреником, дни напролёт, а как выяснилось, и ночи отдавая родному факультету, ничего не имея за душой, кроме потёртого костюма, и тратя зарплату на помощь нуждающимся экономистам-спортсменам – Ромка уже успел в этом убедиться на своём примере и от других слышал то же самое.

– Николай Николаевич, мне Гордеев сказал, что для перевода на дневное одних спортивных успехов и отличной учёбы мало. Что надо подмазать. Я ему с работы мясо и другие продукты таскаю. Это как?

– А он платит за продукты?

– Да.

– Ну что ж. Правильно сказал. Без смазки машина не ездит. Нам тогда здорово повезло, что декан завёлся, – достали его эти блатные. Их же мало принять, так и потом за ними слюни подтирай – не учатся ни хрена, а попробуй отчисли. За них звонят постоянно, просят, дёргают. Честно говоря, я не очень-то надеялся, что прорвёмся. Хорошо, ты Эльвире понравился. Против неё уже никто вякнуть не решился. Эта дура – секретарь – ещё не поняла, под какой каток она попала. Ты знаешь, что из-за тебя дочку замминистра лёгкой промышленности за

боргом оставили? Скандал аж до ректората дошёл. Но у неё совсем низкий балл был, потому без последствий обошлось. На почвоведение зачислили.

– Но это же неправильно, что всё так устроено. Не по-ленински!

– Неправильно. В жизни много неправильного. Ты ещё не раз с этим столкнёшься. Но запомни: стену лбом не прошибёшь, учись обходить. Главное, свой стержень сохрани. Не дай себя сломать! Жизнь тебя будет гнуть и так, и эдак. А ты гнись хоть до земли, но не ломайся. Что касается Ленина – тёртый был мужик, совсем не идеалист. Знал, что революции в белых перчатках не делаются. И, кстати, писал: «Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества», – и после паузы: – В следующий раз и мне мясца захвати. Я бульон сварю. Белок спортсменам полезно. Особенно молодым, – прошамкал сонно и вскоре захрапел.

На следующий день Ромка принял решение, круто изменившее его жизнь. Оно далось неожиданно легко – как любой компромисс. Он сидел в читалке и невидящими глазами смотрел в «Капитал» Маркса, как вдруг, из ниоткуда, в голове появилась злая и отчётливая мысль: «Ну что ж, пора проверить, на что ты способен, кроме красивых слов. Пойди и заработай! И переведись на дневное! Пусть все убедятся, что ты не неудачник и можешь взять жизнь под уздцы! Сначала докажи, что способен на малое, прежде чем браться за большое!» Это простое решение сразу успокоило его. Мол, я не отказываюсь от благородной цели вовсе, я лишь разбиваю её на этапы. Решив так, он испытал облегчение, словно сбросил моральный груз, который тащил всё последнее время.

* * *

Черёмушкинский рынок бурлил.

– Послушай, дорогой, ты почему такой жадный? Не хочешь по три – давай по два пятьдесят сделаю. Два килограмма возьми, да? На здоровье экономить нехорошо. Витамины сейчас очень полезно. Осень, да!

Резо умел продавать и торговаться. Наверное, он умел это лучше всего в жизни. Скорее он не умел не торговаться. Сколько себя помнил, всегда что-то покупал и продавал. С девяти лет помогал отцу выращивать цветы в теплице в родной Абхазии. С двенадцати уже был на подхвате у него на рынках России. Тогда они работали вахтовым методом: вырастил, отвёз, продал. Всё его детство прошло на рынках, в школе почти не появлялся – отец исправно благодарил учителей.

Потом, когда подросток, он понял, что самому выращивать цветы не обязательно – это самый трудозатратный и наименее выгодный процесс, можно покупать у соседей. Главное – продавать, наиболее прибыльный и приятный этап операции. И он наладил бесперебойный конвейер: кто-то покупал цветы в Грузии, кто-то привозил, а он только стоял на рынке и торговал, снимая сливки со всей цепочки. Отец беспокоился, он ещё помнил сталинские времена и боялся, как бы чего не случилось. Резо подсмеивался над ним в душе, внешне проявляя необходимую сыновнюю почтительность. Постепенно он забрал в руки весь бизнес. Отец отошёл от дел, сидел в своём частном доме с садом под Сухуми, попивал домашнее вино, катался на чёрной «Волге» – несбыточной мечте любого советского человека – и гордо рассказывал всем вокруг, включая руководство города, какой у него умный и деловой сын.

Со временем к цветам добавились цитрусовые и орехи. Дела шли в гору. Тем неожиданнее случилось то, что случилось. Он даже не понял, откуда прилетело – просто в один совсем не прекрасный день на его руках защёлкнули наручники. Не передать, как он натерпелся в зоне. И это ещё он хорошо чалился – грел блатных, ладил с администрацией. Но Коми АССР – совсем не Сухуми. И даже не Москва. Вот есть же мерзкие места на Земле. К счастью, отец не сидел сложа руки. Это было невероятно трудно и баснословно дорого, пришлось даже продать «Волгу», но он откинулся, не отмотав и половины срока. А если бы не вышел тогда, то не вышел

бы вообще. Неприятный мокрый кашель и сейчас будит по ночам. Туберкулёз, или «тубик», бич советской пенитенциарной системы, особенно зол к южным людям. Как ни страшно было начинать всё сначала, а куда деваться – денег в семье практически не осталось, не на работу же устраиваться.

Он первым приметил высокого паренька с пакетом в руках. Тот не был похож на покупателя. Одет скромно, вряд ли мандарины ему по карману. Но реклама – двигатель торговли, а скромняги порой попадаютя вполне платёжеспособные – может, кто из близких заболел.

– Ай, дорогой, посмотри, какие мандарины. Хочешь попробовать?

– Нет, спасибо! А вам джинсы не нужны? Как раз ваш размер.

– Покажи, да.

Парень протянул пакет. Он раскрыл его под прилавком. Внутри оказались индийские джинсы. Джинсы он хотел, но не такие, а настоящие, фирменные. Но и эти в Грузии можно было толкнуть рублей за двести как минимум. Привычный к созданию различных схем мозг тут же сформулировал интересный вопрос: а почему он сюда везёт товар, а обратно едет налегке, с бабками в кармане, просто тратясь на дорогу? Это же неэффективно. А что, если?...

– Нет, индийские не катят. Дешёвка! – паренёк заметно расстроился. Сразу видно – лох. – Сколько просишь за них? – спросил как можно равнодушнее. Типа просто абстрактный интерес.

– Сто пятьдесят. Но за сто тридцать отдам.

– Ты что, с дуба рухнул? Им сто – красная цена. И то в базарный день!

Как не был Ромка прост, но что-то щёлкнуло в мозгу, и он на автомате очень убедительно ответил:

– У них сто – госцена в магазине, – хотя сам взял за шестьдесят, три часа отстояв в очереди и потратив все свои сбережения и ещё десятку, занятую у Олега.

– Ладно, за сто двадцать возьму племяннику, – словно нехотя протянул усатый торговец в кепке размером с небольшой аэродром.

Сошлись на ста двадцати пяти. Деньги перекочевали в Ромкин карман. Пакет остался под прилавком. После чего Ромка степенно купил два килограмма мандаринов, не догадавшись поторговаться. Он уже собрался уходить, когда продавец как бы невзначай бросил:

– Будет ещё что-то – неси. У меня родственников много, всё заберу.

Ромка молча кивнул. В этот самый момент он понял, что равнодушие усача деланное – он заинтересован в сотрудничестве. Просто разыгрывает роль, чтобы сбить цену.

* * *

Он быстро освоил нехитрую науку «купи-продай». Как ни странно, совесть не мучила. То есть совсем. Может быть, потому, что товар сбывался не конечным покупателям, а посредникам. К Резо скоро прибавились и другие – такие же искушённые в торговле посланцы южных республик. Он находил их на рынках и старался обставить всё так, чтобы они не узнали друг о друге. Это преследовало две цели. Во-первых, он устраивал между ними негласный аукцион. Иной раз цена на один и тот же товар разнилась у Резо и Ашота, например, в полтора раза. Что-то считалось более модным в Грузии, что-то в Армении или Азербайджане. Да и просто от настроения покупателя зависело. Во-вторых, а точнее, во-первых – это безопасность. В статье 154 УК РСФСР от 1960 года говорилось: «Спекуляция в виде промысла или в крупных размерах наказывается лишением свободы на срок от двух до семи лет с конфискацией имущества». Крупный размер начинался от тысячи рублей, и он превысил его очень быстро. Вот как это произошло.

По совету Олега дефицит он караулил в крупных универмагах или на ярмарке в Лужниках. Особенно ему нравился универмаг «Москва» на Ленинском проспекте. От общаги близко

и до Черёмушкинского рынка рукой подать. А Резо, когда понял, что имеет дело не с простофилей, давал хорошую цену. Методику Олега он усовершенствовал.

На работе началась теория – им читали лекции в двадцать восьмом школе-магазине, где для этого существовал специальный класс. А в классе имелся телефон. На него и звонил грузчик Гриша из универмага, когда приходила машина с нужным товаром. С преподавателями он легко договорился, и за скромные презенты его отпускали с занятий по причине «слабого» здоровья – «то понос, то золотуха». Ехать было три остановки, а можно и пробежаться – когда ещё потренируешься? Гриша получал на бутылку, а он уже знал, в какой отдел занимать очередь. Но это, конечно, всё было не то. Щипачество. Пока однажды не произошла встреча. Случайная, как ему показалось.

Он уже полчаса отирался у кассы в отделе кожгалантереи в ожидании, когда же наконец «выбросят» чешские «дипломаты» из кожзаменителя. Но товара всё не было, похоже, Гриша что-то напутал – он уже с утра был «тёпленький». В какой-то момент он неловко повернулся и чуть не сбил девушку-сотрудницу, которая несла несколько картонных коробок с женскими кошельками. Коробки упали, кошельки рассыпались. Он бросился их собирать, непрерывно извиняясь. Она тоже собирала и улыбалась в ответ. Девушка была уже немолодая – лет двадцати пяти, даже непонятно, как обращаться к ней – девушка или женщина. Да нет, женщина, наверное, перебор. Потом он помог отнести коробки в подсобку, непрерывно оглядываясь, чтобы не пропустить момент, когда появится товар. Она поняла его по-своему и сказала, что сама донесёт, если он торопится. Он начал протестовать и сознался, что ждёт «дипломаты». На что она удивилась и заметила, что по накладным ничего подобного сегодня не ожидается.

– А как же... – начал он и чуть не сдал Гришу.

На этот раз она поняла всё правильно и весело рассмеялась. Смех её преобразил. Усталое лицо разгладилось. Ушла озабоченность, под которой скрывалась девчачья непосредственность. Ему стало неудобно, что он её чуть не записал в старухи. Вместо подсобки они оказались в небольшом кабинете с надписью «администратор».

– А ты... то есть вы – администратор? – он только сейчас сообразил, что у неё халат другого цвета, нежели у продавцов, и растерялся от такой удачи.

– Была с утра. Можно на «ты». Не такая уж я старая, – с улыбкой сказала она.

У него запыхлала уши. Она что, мысли читает? Потом собрался с духом:

– А я так мечтал с вами... то есть с тобой познакомиться!

– Интересно, с какой целью? – она сказала это по-доброму. Словно подтрунивая над ним. Было понятно, что она всё понимает, но не хочет поворачивать разговор в серьёзное русло, как будто не наигралась ещё. В глазах так и прыгали смешливые чёртики.

Ему стало легче. Неуверенность и растерянность прошли. Он просто стоял и улыбался. Несмотря на разницу в возрасте, с ней оказалось легко. Она тоже стояла и смотрела на него. А потом сделала немислимую вещь. Повернула ключ в замке. Подошла, обвила его шею руками, притянула к себе и поцеловала. У него от неожиданности захватило дух. То есть сначала от неожиданности. А затем уже по другой, совершенно естественной причине.

Потом они судорожно срывали с себя вещи. Он, мучительно извиваясь, пытался избавиться от штанов без помощи рук, поскольку те были заняты. Она, одной рукой цепко держа его за понятное место, другой лихорадочно расстёгивала пуговицы халата. В какой-то момент ему показалось, что она сейчас задохнётся, таким частым стало её дыхание. Когда он вставил, она глухо застонала и закусила губу, чтобы не закричать. Он успел сделать лишь несколько движений, как она кончила, чуть не разодрав ему спину. Не привыкший к такой скорострельности, он продолжал, и за какие-то десять минут она кончила ещё раз. На его сиплый от напряжения шёпот, можно ли «туда», отчаянно замотала головой, и тогда, выхватив ствол в последний момент, он дал такой залп, что «картечь», преодолев всю ширину стола, едва не сбила кактус на подоконнике. Впрочем, бумагам на столе тоже досталось. А одна из бумажек, будучи

в конце концов отделившейся от её потной розовой задницы, оставила на этой самой заднице неровные строчки о поставленных товарах, взамен впитав в себя кляксы полученного хозяйской наслаждения.

Одевались так же поспешно. Он пару раз поймал на себе её лукавый взгляд. Она явно ни в чём не раскаивалась. Лена, так её звали, стала его второй женщиной. Ему понравилось, хотя чисто внешне она уступала Людмиле по всем параметрам – худая, с обвислой грудью и совсем не упругой попой, тем не менее она чем-то зацепила его. У неё была страсть другого порядка, нежели у Людмилы. Та – молодая, задорная, сильная – словно боролась с ним. Она по праву брала своё и неистовствовала, пока не насытится. Лена оказалась сама податливостью, она словно растворялась в мужчине, при этом накал её эмоций был не меньшего порядка, и ей, с её subtilностью, они давались заметно труднее – она словно ставила на кон саму себя. Впрочем, восстановилась на удивление быстро.

Открыв дверь, она выглянула в коридор, где, по счастью, никого не оказалось, и махнула ему рукой. Он проворно выскочил и собрался было немедленно ретироваться, но она со смехом пресекла его попытку:

– Телефон-то запиши, Ромео.

Так у него появился шикарный канал, который он держал втайне даже от Олега. Отчасти это было вызвано её настойчивой просьбой-требованием. Но он и сам интуитивно чувствовал, что лучше держать рот на замке. Теперь он подъезжал в заранее назначенное время, минуя официальный вход, заходил с чёрного и, поднимаясь по служебной лестнице, находил её в кабинете. Там она вручала ему список товаров с ценами, которые заметно превышали государственные, но и навар оставляли, после чего вела по катакомбам огромной изнанки универмага каждый раз в новое место, где он получал объёмистую сумку с вещами. Деньги он привозил после реализации, но обязательно в этот же день, чтобы она могла сдать кассу. Товар в рассрочку – это была немислимая привилегия и доверие с её стороны. Как правило, в сумке было на тыщу с гаком.

Впрочем, вскоре он «оброс жирком» и отказался от этого бонуса – теперь у него на кармане всегда было не меньше штуки собственных денег. Зачем лишний раз заезжать – светиться? В схему, как он понял, была включена вся верхушка универмага и не только. Его ни разу никто не остановил и не спросил, кто он и что тут делает. Впрочем, никто с ним даже не здоровался и не заговаривал, словно он был тенью. Все подчёркнуто делали вид, что просто не замечают его.

* * *

– Прости, я не люблю тебя. И нам стоит разойтись.

Он смог. Он сказал это вслух. Прямо в глаза, без экивоков и оправданий. А в чём оправдываться? Сердцу не прикажешь. Ты либо любишь, либо нет! И какая разница, почему и как это получилось.

Людмила стояла оглушённая. Её глаза невидяще перебежали с его лица куда-то на стену и обратно. Он не ожидал, что это будет таким ударом для неё. Она сама этого не ожидала. Оба понимали, что их отношения – игра, что они недолговечны, у них нет перспективы. Но одно дело – держать это в уголке сознания, извлекая изредка и по собственному желанию, и совсем другое – получить наотмашь, неожиданно и вероломно. Так люди с удовольствием смотрят бокс по телевизору и азартно кричат: «Давай бей! Ещё! Ещё поддай! Эх, что же ты?!» А давно вы сами получали по лицу? Сильно и прямо по носу! Когда в голове что-то взрывается и от боли хочется просто закрыть лицо руками и убежать, чтобы не повторилась эта боль, чтобы получить передышку от неё и осмыслить ситуацию.

Можно предположить, что её никогда не бросали и он уязвил её самолюбие, что всё произошло неожиданно и она не успела собраться, – всё это, наверное, так. И всё же суть была не в этом. Она – сильная, дерзкая, земная девчонка. Она умеет держать удар. А сейчас словно земля ушла из-под ног. Этому было только одно объяснение – самое простое: она любила его! Неправильно, эгоистично, вопреки логике и здравому смыслу, не признаваясь себе. Какая разница! Она любила и поняла это только сейчас, когда потеряла. А в том, что потеряла, сомнений не было – Ромка дважды не повторял. И только настоящая любовь может перерасти в настоящую ненависть. Прошло не больше полминуты, и вот она уже взглянула на него другими глазами – в них были лишь боль и ненависть!

Новость, что Ромка расстался с Людмилой, мгновенно облетела всю общагу. Странно, ни он, ни она ни с кем не делились, и тем не менее слухок пролез, прополз в каждую комнату и активно обсуждался. Общага хуже, чем коммуналка, – ничего не утаишь. Большинство злорадствовали. У секретаря комсомольской организации было много недоброжелателей, точнее, недоброжелательниц – у неё был независимый характер и потрясающие сиськи. Вполне достаточно, чтобы тебя не любили в женском коллективе. Но были и такие, кто жалел и сочувствовал. Женщины очень солидарны в подобных вопросах и легко забывают неприязнь и обиды, с готовностью поддерживая жертву мужского произвола. А в том, что это он её бросил, почему-то никто не сомневался. С одной стороны, он получил незаслуженное клеймо коварного сердцееда, с другой – ему никогда не улыбалось столько девушек в единицу времени. Люська была признанной красавицей, капризной и разборчивой, в самцах толк знала, и отношения с ней служили знаком качества – этот то что надо! А почему бы и самой не проверить, в самом деле? Тем более что он заметно возмужал, начал бриться и уже более походил на парня, нежели на мальчика.

Тандем Романа и Олега имел неоднозначную репутацию в общаге. Пока первый мучился душевными терзаниями и вёл моногамный образ жизни, второй развернулся вовсю. Он постоянно просил соседа где-то погулять или прийти чуть позже. Ну хоть на часик. На полчаса. Он успеет! Аргументация каждый раз была на высоте – у него чрезвычайно важное свидание. Потом он непременно делился подробностями, чем поначалу обескураживал Ромку, воспитанного в большей сдержанности и уважении к женщине. Один раз он даже готов был поколотить товарища, когда тот особенно смачно и с физиологическими подробностями рассказывал об очередной мастерски произведённой дефлорации, в которых за короткий срок стал признанным специалистом. Всё-таки девчонки попадали в общагу в довольно нежном возрасте, и не все, как Люська, успели получить первый сексуальный опыт в родных краях. Особенно это касалось посланниц южных регионов необъятной страны, где с этим было не в пример строже, чем в европейской части России.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.